

Марк УРНОВ
Валерия КАСАМАРА

Национальная идентичность студентов России и США

Сравнительный анализ

Истинный Космополит есть существо метафизическое или столь необыкновенное явление, что нет нужды говорить об нем...

Н.М. Карамзин. История государства Российского

Введение

Данная работа посвящена сопоставлению некоторых базовых характеристик национальной идентичности студентов трех ведущих вузов России — МГУ, МГИМО и НИУ ВШЭ — и студентов Принстонского университета (США). Основная цель — хотя бы в первом приближении очертить контуры одной из важнейших составляющих мировоззрения кандидатов в российские элиты. Понятно, что далеко не все выпускники институтов, включенных в наше исследование, попадут в политическую, экономическую или интеллектуальную элиту. Диплома престижного вуза для этого недостаточно. Однако вероятность войти в элиту у наших респондентов все же выше, чем у представителей других групп молодежи с высшим образованием¹. Кроме того, значительная часть выходцев из МГУ, МГИМО и НИУ ВШЭ, не попавших в элиты, окажется в рядах интеллектуалов — группы, существенно влияющей на элиты².

Очевидно, что через 10–15 лет, то есть к тому времени, когда элиты страны начнут активно пополняться представителями поколения нынешних студентов, взгляды наших

респондентов в той или иной мере изменятся. Однако значимость изучения их сегодняшних представлений это не умаляет: без знания стартовых позиций понять динамику невозможно.

Целесообразность сравнительного подхода для достижения нашей цели вряд ли нужно специально доказывать. Напомним лишь, что этого требует относительный характер человеческих суждений, подмеченный еще Анезидемом Александрийским, Секстом Эмпириком и Агриппой³ и сравнительно недавно подробно описанный когнитивными психологами⁴. К сопоставлениям подталкивают и навеянные теоремой Гёделя о неполноте соображения о том, что для сколько-нибудь глубокого понимания любой системы (включая, разумеется, систему ценностных ориентаций) требуется посмотреть на нее не только изнутри, но и извне.

В то же время обоснованность сопоставления кандидатов в нашу элиту с кандидатами в элиту США может вызвать сомнения. В самом деле, по *объективным критериям* такое сравнение не вполне правомерно: США — намного более богатая и стабильная страна, обладающая значительно более зрелой элитой и куда более стабильной системой ценностей. Однако по *субъективным критериям* подобного рода сопоставление представляется оправданным. Сегодня США для России играют роль «зеркала», глядя в которое наша страна формирует представления о себе⁵. Как отмечают Л. Борусяк и А. Левинсон, в настоящее время в России «постоянно идет сравнение нашей политики

¹ В 2015 году выпускники МГУ, МГИМО и НИУ ВШЭ занимали 14 из 40 руководящих должностей в Администрации президента РФ и 5 из 8 вице-премьерских постов в правительстве РФ; двое были заместителями министров РФ (Министерство экономики, Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды), один — губернатором ([Электронный ресурс]. <http://kremlin.ru/>; <http://government.ru/gov/>; <http://governors.ru/>). Согласно данным внутреннего мониторинга НИУ ВШЭ, около 45% выпускников факультетов социально-политической и экономической направленности этого вуза начинают профессиональную карьеру в федеральных, региональных и муниципальных органах власти.

² О влиянии интеллектуалов на формирование национальной идентичности см.: Weber M. Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology. G. Roth and C. Wittich (Eds.). Vol. 1, 2. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1978; Lipset S.M. The First New Nation. New York: Basic Books, 1963.

³ Кирхнер Ф. История философии с древнейшего до настоящего времени. СПб.: Издание книгопродавца В.И. Губинского, 1895.

⁴ См., напр.: Helson H. Current trends and issues in adaptation-level theory // American Psychologist, 1964. Vol. 19. Issue 1. P. 26–38; Kahneman D., Miller D.T. Norm theory: Comparing reality to its alternatives // Psychological Review, 1986. Vol. 9. No. 2. P. 136–153.

⁵ Подробнее о феномене «зеркального имиджа» см. с. 25.

и политики США. Каждое действие России, которое может трактоваться как нарушение международных правил, тут же обязательно оправдывается похожими или якобы похожими действиями главного соперника. Если им можно, почему нам нельзя?»¹. Так что в своем исследовании мы просто использовали образец для сравнения, являющийся привычным (а возможно, и единственно легитимным) для российских элит и общественного мнения.

Выбор национальной идентичности в качестве предмета исследования продиктован ее мощным влиянием на политическое поведение. Распространенные в разных государствах представления о своей стране, о том, какое место она занимает и какое должна занимать в мире, какими должны быть и что в реальности собой представляют ее политические системы, экономика, культура, относятся к числу важнейших факторов, влияющих на внутривнутриполитические процессы и международные отношения.

Используя термин, предложенный Ф. Конверсом, можно сказать, что национальная идентичность играет роль «психологического ограничителя» в процессе отбора политических оценок и действий².

В качестве научной проблемы национальная идентичность является столь же привлекательной, сколь и сложной. В начале нынешнего века Р. Брубекер и Ф. Купер писали, что идентичность «тяготеет к тому, чтобы значить слишком много (когда понимается в широком смысле), слишком мало (когда понимается в узком смысле) или не значить вообще ничего (из-за своей полнейшей неопределенности)»³, а М. Брюер назвала ситуацию в исследованиях социальной идентичности «концептуальной анархией»⁴. За прошедшие с тех пор полтора десятилетия мало что изменилось. Отсутствие общепринятых подходов не позволяет избежать хотя бы минимального теоретизирования в нашей, по преимуществу эмпирической, работе и вынуждает начать с уточнения основных используемых понятий. Требования

формата статьи сделали невозможным сколько-нибудь подробный теоретический анализ конкурирующих между собой доктрин и аналитических парадигм изучения национальной идентичности. Кроме того, они вынудили нас предельно сократить публикуемый список литературы, использованной при подготовке данной работы.

Разделяя озабоченность И. Шапиро затруднениями, которые в современных научных исследованиях порождаются «ориентацией на метод в противовес ориентации на проблему»⁵, мы принципиально не относим себя к приверженцам ни одной из существующих методологических традиций анализа национальной идентичности⁶. Более того, мы полагаем, что эти направления не столько конкурируют, сколько дополняют друг друга, акцентируя различные аспекты одного явления. И потому считаем не только возможным, но и желательным — в той мере, в какой это диктуется потребностями исследования — придерживаться методологической эклектики и по мере необходимости использовать аналитические инструменты и концепции, разработанные разными школами.

Единственная методологическая позиция, которой *мы постараемся* придерживаться, — субъективистский подход к национальной идентичности. Здесь мы ни в коей мере не претендуем на оригинальность, а следуем традиции, общие положения которой ассоциируются с именами З. Фрейда, К. Левина, Л. Фестингера, Р. Дельгадо и различные аспекты которой применительно к интересующей нас проблеме были развиты Э. Эриксоном, Г. Таджфелом, Дж. Тернером, Ш. Страйкером, П. Бёрком, Дж. Макколлом, Дж. Саймонсом, Х. Маркус и др.⁷

⁵ Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

⁶ Конструктивизм, бихевиоризм, теории социальной или ролевой идентичности, символический интеракционизм; психологический, социально-психологический или социологический подходы и пр.

⁷ Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». М.: Академический проект, 2014; Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Изд-во «Речь», 2000; Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996; Burke P.J., Stets J.E. Identity Theory. New York: Oxford Univ. Press, 2009; Delgado R.R. A Possible Model for Ideas // Philosophy of Science, 1957. Vol. 24. No. 3. P. 253–269; Festinger L. A Theory of Social Comparison Processes // Human Relations, 1954. Vol. 7. No. 2. P. 117–140; Markus H. Self-schemata and processing information about the self // Journal of Personality and Social Psychology, 1977. Vol. 35. No. 2. P. 63–78; McCall J., Simmons J.L. Identities and Interactions: An Examination of Human Associations in Everyday Life. New York: Macmillan, 1978; Stryker S. Symbolic Interactionism: A Social Structural Version. Caldwell, NJ: Blackburn, 2002; Tajfel H. Human Groups and Social Categories.

¹ Борусяк Л., Левинсон А. Величие вместо демократии: как Россия догнала США в умах своих жителей // РБК daily. 2016. 4 февр.

² Converse P.E. The Nature of Belief Systems in Mass Publics // David E. Apter (Ed.). Ideology and Discontent. New York, Free Press, 1964.

³ Brubaker R. Citizenship and Nationalism in France and Germany. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992; Inoguchi T. Clash of Values across Civilizations // R. J. Dalton, H.-D. Klingemann (Eds.). The Oxford Handbook of Political Behavior. New York: Oxford Univ. Press, 2009. P. 240–258.

⁴ Brewer M.B. In-Group Bias in the Minimal Intergroup Situation: A Cognitive-Motivational Analysis // Psychological Bulletin, 1979. Vol. 86. No. 2. P. 307–324.

Мы рассматриваем национальную идентичность как один из компонентов индивидуальной социальной идентичности, то есть как элемент¹ «сети»², «карты»³, «я-концепции»⁴, «социального я»⁵, «я-схемы»⁶, субъективных связей индивида с многообразными элементами социума — группами, институтами, идеями или в самом общем плане — с социальными категориями⁷. Эти связи образуют систему представлений индивида о своей принадлежности к различным элементам социума (содержание этих представлений составляют приписываемые элементам социума субъективные/личностные смыслы, характеристики опыта взаимодействия с ними и т.п.)⁸.

В индивидуальной системе идентичностей нация выступает в качестве «психологической

группы»⁹ или «воображаемого сообщества»¹⁰. Принадлежность к этому сообществу позволяет человеку ощущать «прелесть *gemeinschaft*»²² или «эмоциональное единство с другими»¹¹. К. Левин называл это ощущение чувством «мы» или, с акцентом на временную перспективу, переживанием «взаимозависимости судеб», которое считал основным критерием принадлежности к группе¹².

Говоря о национальной идентичности в системе («сети») индивидуальной идентичности, важно иметь в виду, что ее понимание и значимость могут под воздействием разного рода обстоятельств меняться, причем достаточно быстро¹³. Подобные изменения, естественно, будут сказываться на общем восприятии человеком своего положения в социуме, а при массовом распространении — на системе доминирующих в обществе ценностей, представлениях о патриотизме, сплоченности общества, специфике внутри- и внешнеполитических решений и пр.¹⁴

Национальная идентичность имеет множество аспектов и может рассматриваться под разными углами зрения. В нашем исследовании мы сконцентрируемся на стране как на объекте национальной идентичности и на некоторых аспектах отношения к стране, делающих ее объектом национальной идентичности.

Страна как объект национальной идентичности

Предельно упрощая ситуацию, существующие в современной науке и массовом сознании представления об объекте национальной идентичности можно классифицировать по относительной значимости в них следующие три компонента: политический (общее гражданство/подданство/государство), этнический (общая

Cambridge; Cambridge University Press, 1981; *Tajfel H., Turner J.C.* An Integrative Theory of Intergroup Conflict // G. Austin, S. Worchel (Eds.). *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979. P. 33–47; *Turner J.C.* Social Comparison and Social Identity: Some Prospects for Intergroup Behavior // *European Journal of Social Psychology*, 1975. Vol. 5. Issue 1. P. 5–34; *Turner J.C., Oakes P.J.* The Significance of the Social Identity Concept for Social Psychology with Reference to Individualism, Interactionism and Social Influence // *British Journal of Social Psychology*, 1986. Vol. 25. Issue 3. P. 231–252; *Turner J.C., Hog M.A., Oake P.J., Reicher S.D., Werherell M.S.* Rediscovering the Social Group: A Self-categorization Theory. Oxford: Blackwell, 1987.

¹ «...мы не можем предполагать, что для большинства людей национальная идентификация — когда она существует — исключает или /.../ превосходит по значимости множество остальных идентификаций, которые образуют социальное бытие. Фактически она всегда сочетается с другими идентификациями, даже если ощущается более важной, чем другие». *Hobsbawm E.J.* Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. 2d ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

² *Stryker S., Burke P.J.* The Past, Present, and Future of an Identity Theory // *Social Psychology Quarterly*, 2000. Vol. 63. No. 4. Special Millennium Issue on the State of Sociological Social Psychology. P. 284–297.

³ *Greenfield L., Eastwood J.* National Identity // *Oxford Handbook of Comparative Politics*. Carles Boix and Susan C. Stokes (Eds.). Oxford: OUP, 2009. www.oxfordhandbooks.com

⁴ *Tajfel H.* Human groups and social categories. Cambridge; Cambridge University Press, 1981.

⁵ *Turner J. C., Oakes P.J.* The Significance of the Social Identity Concept for Social Psychology with Reference to Individualism, Interactionism and Social Influence // *British Journal of Social Psychology*, 1986. Vol. 25. Issue 3. P. 231–252.

⁶ *Markus H.* Self-schemata and Processing Information about the Self // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1977. Vol. 35. No. 2. P. 63–78.

⁷ *Stryker S., Burke P.J.* The Past, Present, and Future of an Identity Theory // *Social Psychology Quarterly*, 2000. Vol. 63. No. 4. Special Millennium Issue on the State of Sociological Social Psychology. P. 284–297.

⁸ *Tajfel H., Turner J.C.* An integrative theory of intergroup conflict // G. Austin, S. Worchel (Eds.). *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979. P. 33–47; *Deaux K.* Reconstructing Social Identity // *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1993. Vol. 19. No. 1. P. 4–19.

⁹ *Turner J.C., Oakes P.J.* The Significance of the Social Identity Concept for Social Psychology with Reference to Individualism, Interactionism and Social Influence // *British Journal of Social Psychology*, 1986. Vol. 25. Issue 3. P. 231–252.

¹⁰ *Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Revised Edition. London, New York, Verso, 2006.

¹¹ *Allpor G.W.* The Nature of Prejudice. Cambridge, Mass., Addison-Wesley Pub. Co., 1954.

¹² *Левин К.* Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Изд-во «Речь», 2000.

¹³ *Hobsbawm E.J.* Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. 2d ed. Cambridge: Cambridge University Press. 1992.

¹⁴ Впрочем, изменения могут наблюдаться не только в том, что касается национальной идентичности, но и охватывать всю систему индивидуальной идентичности. См. напр.: *Reynolds K.J., Turner J.C., Branscombe N.R., Mavor K.I., Bizumic B., Subasic E.* Interactionism: In Personality And Social Psychology: An Integrated Approach To Understanding The Mind And Behaviour // *European Journal of Personality*, 2010. Vol. 24. Issue 5. P. 458–482.

генетическая основа) и культурный (общность языка, веры, обычаев, эстетических и этических ценностей и пр.).

В американских и западноевропейских научных концепциях национальной идентичности ключевым элементом представлений о нации является сегодня политический компонент. Это предельно сближает понятия «нация» и «страна», наделяя их такими общими характеристиками, как *общая территория, суверенитет над территорией, суверенность, гражданство, национальное государство, единая политическая система, политическое влияние, политическая основа, политическая/идеологическая природа* и пр.¹

В массовом сознании США и Западной Европы политическая составляющая национальной идентичности также преобладает. Судя по словарям синонимов английского, немецкого, французского, итальянского и испанского языков, слова «нация», «страна» и «государство» являются ближайшими по смыслу понятиями. Этнический и культурный компоненты в понимании нации здесь, разумеется, присутствуют, причем в разных странах оказываются выраженными с разной интенсивностью², но занимают подчиненное положение

¹ См., напр.: *Калхун К.* Национализм. М.: Изд-во «Территория будущего», 2006; *Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Revised Edition. London, New York, Verso, 2006; *Breuilly J.* Nationalism and the State. 2d ed. Chicago: The University of Chicago Press, 1994 (1st ed. 1982, Manchester Univ. Press); *Citrin J., Reingold B., Green D.P.* American Identity and the Politics of Ethnic Change // The Journal of Politics, 1990. Vol. 52. No. 4. P. 1124–1154; *Gellner E.* Nations and Nationalism. Ithaca: Cornell University Press, 1983; *Greenfield L., Eastwood J.* National Identity // Oxford Handbook of Comparative Politics. Carles Boix and Susan C. Stokes (Eds.). Oxford: OUP, 2009. www.oxfordhandbooks.com; *Hobsbawm E.J.* Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. 2d ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1992; *Kohn H.* American Nationalism: An Interpretive Essay. New York: Macmillan, 1957; *Primoratz I.* Patriotism // E.N. Zalta (Ed.). The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2015. <http://plato.stanford.edu/archives/spr2015/entries/patriotism/>; *Sorokin P.A.* The Essential Characteristics of the Russian Nation in the Twentieth Century // Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 370. National Character in the Perspective of the Social Sciences, Mar., 1967. P. 99–115; *Westle B.* Identity, Social and Political // B. Badie (Ed.) International Encyclopedia of Political Science. Thousand Oaks (CA): Sage Publications, 2011. P. 1131–1142. <http://site.ebrary.com/id/10582147?ppg=1656>; *Wirth L.* Types of Nationalism // American Journal of Sociology, 1936. Vol. 41. No. 6. P. 723–737.

² О существующей между различными национальными культурами разнице в акцентах на отдельных компонентах идентичности см., напр.: *Иванова Н.Л., Мазилова Г.Б.* Гражданская идентичность в различных социально-экономических условиях // Идентичность и организация в меняющемся мире. Сб. науч. ст. / под ред. Н.М. Лебедева, Н.Л. Иванова, В.А. Штроо. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2009. С. 41–56; *Пинто Д.* Меж двух миров. Европейская культура и американская демократия. М.: Ad Marginem, 1996; *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, Транзиткнига, 2004; *Brubaker R.*

относительно компонента политического. Так что с точки зрения содержания преобладающую сейчас в западных странах национальную идентичность можно было бы назвать страновой или, расширяя трактовку Ф. Глисона, политической идентичностью, которая обладает не только этнической, но и культурной инклюзивностью³.

Впрочем, так было не всегда. В новой истории идея политической нации была популярна в XVIII веке — веке рационализма и просвещения, то есть в период еще не разрушенного влияния утопий Мора, Кампанеллы и Сирано де Бержерака, питавшихся рационализмом «Государства» Платона. Именно в это время «патриотизм» в качестве термина возникает в европейских (включая русский) языках⁴. Однако в первые десятилетия XIX века романтизм с его пафосом истории, традиций и народной специфики возродил куда более древнее, чем политическое, — этническое, племенное чувство общности, наполнил им понятие «нация» и на много лет вперед обеспечил сосуществование и конкуренцию политической и этнической трактовки этого понятия⁵.

Конфликтность этих пониманий нации подробно описал Ю. Хабермас⁶. Одну из важ-

Citizenship and Nationalism in France and Germany. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992; *Citrin J., Reingold B., Green D.P.* American Identity and the Politics of Ethnic Change // The Journal of Politics, 1990. Vol. 52. No. 4. P. 1124–1154; *Greenfield L.* Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992; *Greenfield L.* Etymology, Definitions, Types // Encyclopedia of Nationalism, Vol. 1. / Motyl (Ed.). New York: Academic Press, 2001. P. 251–265; *Smith R.M.* The 'American Creed' and American Identity: The Limits of Liberal Citizenship in the United States // Western Political Quarterly, 1988. Vol. 41. No. 2. P. 225–251; *Weiss H.* A Cross-National Comparison of Nationalism in Austria, the Czech and Slovak Republics, Hungary, and Poland // Political Psychology, 2003. Vol. 24. No. 2. P. 377–401.

³ «Политическая идентичность, обладающая этнической инклюзивностью (ethnically inclusive political identity)». *Gleason Ph.* American Identity and Americanization // The Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups. S. Thernstrom (Ed.). Cambridge: Harvard University Press, 1980.

⁴ В английском языке слово patriotism в значении public-spiritedness впервые появляется 1720-е годы. *Berns W.* Patriotism // International Encyclopedia of the Social Sciences. W.A. Darity, Jr. (Ed. in Chief). Detroit, Mich.: Macmillan Reference USA, 2008. Наиболее ранняя цитата со словом patriotism, содержащаяся в Oxford English Dictionary, относится к 1716 году. В Россию это слово пришло из Западной Европы во времена Петра Великого. *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка: в 2 т. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко. 1910–1914.

⁵ Крупнейший романтик XX века О. Шпенглер описывал становление нации как эволюцию от расы — единства «почвы и крови» к народу — единству души и далее к нации — единству идеи. *Шпенглер О.* Закат западного мира: Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М.: Академический Проект, 2009. С. 145–242.

⁶ *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. 2-е изд., стер. СПб.: Наука, 2008.

нейших причин конфликтности он видел в столкновении двух принципов свободы: коллективного понятия национальной свободы, связанного с этническим пониманием нации, и универсалистскими понятиями индивидуальной свободы, связанными с политической трактовкой нации¹. Макс Вебер был свидетелем того, как после Первой мировой войны этот конфликт разворачивался на межстрановом уровне: в Италии и Германии набирала популярность идея нации-этнуса, Великобритания и Франция склонялись к политической интерпретации нации. Говорить о существовании общепринятого понимания национальной идентичности в такой ситуации было невозможно. И Вебер предпочел воздержаться от введения ее точного определения и писал лишь о тенденции к сближению понятий «нация» и «страна»².

После Второй мировой войны этническая национальная идентичность по понятным причинам оказалась в Европе в роли культурного маргинала. В конце 1970-х появилась «чисто политическая» страновая концепция идентичности, не только не отягощенная какой бы то ни было этничностью, но демонстративно отторгающая связь с последней. Речь идет о концепции «конституционного патриотизма», предложенной Д. Штернбергером для характеристики лояльности к отечеству, отождествляемому с республикой, конституцией и свободой³, то есть о «постнациональной идентичности, сформированной на универсалистских принципах правового государства и демократии»⁴. Параллельно на фоне интеграционных процессов начала формироваться надстрановая (общеевропейская) политическая идентичность, на которую в конце XX века порой смотрели как на набирающую силу естественную преемницу страновой идентичности, более соответствующую новым условиям.

Между тем сегодняшние взгляды на страновую идентичность и ее роль в структуре социальной идентичности уже далеко не столь песси-

мистичны, как пару десятилетий назад. С одной стороны, становится понятно, что интеграционные процессы, распространение электронных коммуникаций и элементов культуры постмодерна/«ценностей самовыражения»⁵ создают благоприятные условия не столько для вытеснения страновой политической идентичности, сколько для ее обогащения элементами «субнациональными»⁶ и наднациональными (региональными, цивилизационными). С другой стороны, новое «великое переселение народов» обостряет межнациональные отношения, усиливает роль этнического компонента идентичности и способствует оживлению шовинистических идеологий. Одновременно межэтническая напряженность стимулирует и политическую идентичность, так что в западных странах, по крайней мере пока, рост этой напряженности проявляется не только и не столько в усилении расистских или ультранационалистических настроений, сколько в интенсификации требований совершенствования работы политических институтов, обеспечивающих соблюдение принципов либеральной демократии в новых, куда более сложных, чем раньше, условиях. В Европе это сопровождается некоторым усилением евроскепсиса — снижением популярности надстрановых институтов ЕС и соответствующим ростом «старой доброй» страновой политической идентичности. Согласно некоторым прогнозам, в ближайшем будущем «Европу определит возвращение национального государства в качестве основной формы политической жизни на континенте. Число национальных государств, вероятно, будет увеличиваться по мере того, как разнообразные сепаратистские движения будут добиваться успеха — разделения стран на составные части или прямой сецессии. Это будет особенно заметно в ближайшие несколько лет, потому что общеевропейский кризис усилит политическое и экономическое давление»⁷.

Учитывая сказанное, можно предположить, что в обозримой перспективе в Европе и в целом на Западе за страновой/политической идентичностью сохранится роль «одной из са-

¹ Какое из этих понятий свободы древнее, можно судить по исследованию Э. Бенвениста, показавшего, что современное слово «свободный», понимание которого ассоциируется с либеральными ценностями, в древних индоевропейских языках обозначало принадлежность человека к «группе людей, объединенных общностью рождения или дружескими отношениями». Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995.

² Weber M. Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology. G. Roth and C. Wittich (Eds.). Vol. 1, 2. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1978.

³ Sternberger B. Verfassungspatriotismus (Schriften, Vol. 10). Frankfurt/M.: Insel Verlag, 1990. S. 11–31.

⁴ Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005.

⁵ О культуре постмодерна и «ценностях самовыражения» см.: Inglehart R., Baker W.E. Modernization, Cultural Change, and Persistence of Traditional Values // American Sociological Review, 2000. Vol. 65. No. 1. P. 19–51; Welzel C., Inglehart R. The Role of Ordinary People in Democratization // Journal of Democracy, 2008, Vol. 19. No. 1. P. 126–140.

⁶ Термин С. Хантингтона. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, Транзиткнига, 2004.

⁷ Stratfor Global Intelligence «Decade Forecast: 2015–2025». Feb. 23. 2015. <https://www.stratfor.com/sample/forecast/decade-forecast-2015-2025>

мых важных форм группообразования»¹, сравнимой по значимости с христианской идентичностью для европейского Средневековья².

В России в последние 100 лет динамика представлений о национальной идентичности была иной, нежели в западных странах. Большевикский переворот 1917 года поначалу повлек за собой категорический официальный отказ от понятия нации. Однако к середине 1920-х годов в условиях рухнувших надежд на мировую революцию пустующее место национальной идентичности стало заполняться образом социалистической Родины — надежды мирового пролетариата, противостоящей мировому капиталистическому окружению. Этническая составляющая этой идентичности то усиливалась (достигнув максимума к 1953 году), то ослабевала, но самостоятельно существовать ей официально не позволялось. Советской идеологией ей отводилась роль «национальной формы», точнее, форм — русской (доминантной) и остальных, наполняемых социалистическим содержанием. После крушения советского режима, распада СССР и образования России русская и прочие этнические идентичности избавились от официальных ограничений и оформились в качестве отдельных концепций, в крайних формах противостоящих политическим идентичностям.

В результате сегодняшняя ситуация в России характеризуется отсутствием доминирующих представлений о национальной идентичности и в большей мере напоминает Европу времен Макса Вебера, чем современную.

В российской науке единственной общей точкой зрения является признание кризиса национальной идентичности, на фоне которого наблюдается не сближение, а борьба между ее различными интерпретациями. В дискуссиях сталкиваются³:

— последовательные доктрины гражданской/политической идентичности⁴;

¹ См., напр.: *Schatz R.T., Staub E., Lavine H.* On the Varieties of National Attachment: Blind versus Constructive Patriotism // *Political Psychology*, 1999. Vol. 20. No. 1. P. 151–174.

² *Greenfeld L., Eastwood J.* National Identity // *Oxford Handbook of Comparative Politics*. Carles Boix and Susan C. Stokes (Eds.). Oxford: OUP, 2009. www.oxfordhandbooks.com

³ Приводимый перечень работ является далеко не полным. Мы включили в него только те публикации, которые показались нам наиболее концептуально значимыми и интересными.

⁴ *Тишков В.А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. СПб.: Наука, 2013; *Тренин Д.* Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад». М.: Изд-во «Европа», 2006; *Иванова С.В.* Национальная идентичность как фактор безопасности государства // Сб. докладов и тезисов V межведом. семинара (конференции) «Пограничная безопасность в условиях информационной войны». М.: Пограничная академия ФСБ, 2010. [Электронный ресурс]. <http://www.pan-i>

— концепции, в которых главную роль играет этничность⁵;

— концепции по преимуществу культурные, в том числе идеологические и религиозные (эта группа представлена взглядами И. Чубайса⁶), и противоположные по идеологическому «заряду» концепции идентичности на основе «новой официальной идеологии», которая включает просоветские и антилиберальные/антизападные компоненты⁷;

— разнообразные и не менее противоположные по установкам доктрины смешанного типа (проект С.В. Картунова, объединяющий либеральные политические ценности во внутренней политике с идеями специфической культурной миссии русского суперэтноса⁸;

— культурно-политическое антизападное и антилиберальное евразийство в версиях А. Дугина⁹, А. Панарина¹⁰, К. Татарского¹¹;

— российская «территориально-государственная идентичность... союза народов, ядром которого являются русские»¹², и др.).

ru/nauchnie-stati/natsionalnaya-identichnost-kak-faktor-bezopasnosti-gosudarstva.html; *Ярская-Смирнова В.Н.* Национальная идентичность: формула гражданской нации // Национальная идентичность России и демографический кризис. Матер. Всеросс. научн. конференции (Москва, 20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 617–625.

⁵ *Вдовин А.И.* «Русский вопрос» и «российская нация» на современном этапе // Национальная идентичность России и демографический кризис. Матер. Всеросс. научн. конференции (Москва, 20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 140–152; Декларация русской идентичности 2014 // Патриархия.ru [Электронный ресурс]. <http://www.patriarchia.ru/db/print/508347.html>; *Лебедев С.В.* Русские идеи и русское дело. Национально-патриотическое движение в России в прошлом и настоящем. СПб.: Алетейя, 2007; *Немыченков В.И.* Россия, XXI век: выбор судьбы // Русская народная линия. 2014. Дек. [Электронный ресурс]. http://ruskline.ru/analitika/2014/12/15/rossiya_xxi_vek_vybor_sudby/ и др.

⁶ *Чубайс И.Б.* Как нам понимать свою страну. Русская идея и Российская идентичность. Прошлое, настоящее, будущее. М.: Arsisbooks, 2014.

⁷ *Иванова С.Ю.* Национальная идея в культуре современной России // Национальная идентичность России и демографический кризис. Матер. Всеросс. научн. конференции (Москва, 20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 626–636.

⁸ *Картунов С.В.* Национальная идентичность: Постигание смысла. М.: Аспект Пресс, 2009.

⁹ *Дугин А.Г.* Война континентов. М.: Академический проект, 2014.

¹⁰ *Панарин А.С.* Россия в Евразии: Геополитические вызовы и цивилизационные ответы // Социальная философия и философская антропология: Труды и исследования. М.: Ин-т философии РАН, 1995. С. 10–43.

¹¹ *Татарский К.А.* Наследие К.Н. Леонтьева и русская идея // Национальная идентичность России и демографический кризис. Матер. Всеросс. научн. конференции (Москва, 20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 756–759.

¹² *Кучуков М.М.* Российская идентичность: состояние и перспективы // Национальная идентичность России и демографический кризис. Матер. Всеросс. научн. конференции (Москва, 20–21 октября 2006 г.). М.: Научный эксперт, 2007. С. 602–607.

Современные словари русского языка понятия «нация» и «страна» к синонимам не относят, а в массовом сознании представления о нации как об этнической общности и о стране как об общности гражданской/политической воспринимаются по-разному и соответственно играют роль различных объектов идентичности. Что же касается типов идентичности, то нынешнее российское массовое сознание заметно менее плюралистично, чем российская наука и массовое сознание Европы времен Макса Вебера. И хотя, по словам Л. Дробижевой, «современная идентичность россиян» представляет собой «сложный конгломерат новой российской идентичности, ностальгической советской, социальной, региональной, локальной, этнокультурной, религиозной идентичностей»¹, доминантными, согласно социологическим опросам, на сегодняшний день являются два типа идентичности: гражданская/политическая идентичность и идентичность смешанного типа, в которой ведущую роль играет этничность, претендующая на подчинение себе политического компонента. Перефразируя Ф. Глисона, такую идентичность можно было бы назвать идентичностью этнической, обладающей политической инклюзивностью (*politically inclusive ethnic identity*). Для русского этноса эта идентичность выражается ксенофобским лозунгом «Россия для русских», который, по данным ВЦИОМ, в 2014 году «скорее поддерживали» 40% опрошенных граждан страны (в том числе 52% учащихся и студентов), «скорее не поддерживали» чуть более 50%, а остальные «затруднились ответить»².

Разумеется, в подобной ситуации не стоит ждать, что множество смыслов, связанных со словами «патриотизм» и «страна», которые бытуют в сегодняшней российской и западной культурах, окажутся тождественными.

Вместе с тем в качестве слов-символов, служащих для описания объектов идентичности в России и на Западе, понятия *страна, country, pays, país, land* все же ближе друг к другу, чем понятия *нация, nation, nación, Nation, Volk*, хотя бы в силу большей нагруженности первых универсальным политическим содержанием.

Относительная близость смыслов, вкладываемых в понятие «страна», и политологическая значимость этого понятия были основными

¹ Дробижева Л.М. Интеграционные процессы в полиэтничном российском обществе. 2007. [Электронный ресурс]. http://www.isras.ru/index.php?page_id=882&printmode

² [Электронный ресурс]. http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=993&q_id=68207&date=23.11.2014

причинами, по которым мы для сопоставления объектов идентичности остановились именно на нем: в количественных сравнительных исследованиях имеет смысл по возможности сопоставлять более или менее сопоставимое.

В дальнейшем, чтобы не создавать терминологической путаницы, мы вместо понятия «национальная идентичность» будем пользоваться словосочетанием «страновая идентичность».

Процедуры исследования, характеристики выборки, подходы к анализу эмпирических данных

Инструментарий исследования. Сбор первичной информации осуществлялся с помощью анкеты, разработанной М. Урновым (НИУ ВШЭ) и Б. Розенфельд (Принстон).

Анкета была ориентирована на выявление следующих аспектов страновой идентичности.

Объект идентичности.

Нормативные представления о своей стране:

- желаемые отношения страны с окружающим миром;
- устройство общества (желаемый политический режим, содержательные трактовки процедурной, дистрибутивной и карающей справедливости).

Отношение к объекту идентичности.

Компоненты отношения к своей стране:

- страновой фаворитизм (цивилизационно-временная развертка);
- выраженность критического отношения к стране;
- специфика проявления чувства долга перед страной.

Взгляды респондентов не только отражают разные аспекты их страновой идентичности, но и могут — в более широком контексте — служить индикаторами соотношения популярности среди них ценностей индивидуалистической/либеральной и коллективистской/авторитарной культур³. Сравнение культурных

³ Литература, посвященная анализу этих культур, необозрима. Упомянем лишь некоторые из работ, на которые мы непосредственно опирались при формулировании вопросов анкеты. Индивидуалистическая vs коллективистская культура: *Вайнек Э.* Внутренне- и внешне-направленное поведение (*inner/outer-directed behavior*) // *Р. Корсини, А. Ауэрбах.* Психологическая энциклопедия. 2-е изд. СПб.: Питер, 2006. С. 82–84; *Триандис Г.* Культура и социальное поведение: учеб. пособие. М.: ФОРУМ, 2007; *Hofstede G., McCrae R.R.* Personality and Culture Revisited: Linking Traits and Dimensions of Culture // *Cross-Cultural Research*, 2004. Vol. 38. No. 1. P. 52–88; *Hui C.H.* Measurement of Individualism — Collectivism // *Journal of Research in Personality*. 1988. Vol. 22. Issue 1. P. 17–36; *Iyengar S.S., DeVoe S.E.* Rethinking the Value of Choice: Considering Cultural Mediators of Intrinsic Motivation // *V. Murphy-Berman, J.J. Berman (Ed.). Cross-Cultural Differences in Perspectives on the Self. Volume 49 of the Nebraska Symposium on*

профилей исследуемых групп представлялось нам одной из важных с прогностической точки зрения задач работы.

Время проведения опроса. Осень — зима 2014 года.

Методы опроса. В России опрос проводился методом личного интервью, в США анкета рассылалась по Интернету.

Выборка. В России квотировалось число опрошенных в каждом из трех вузов и внутри квоты каждого вуза — гендерный состав и соотношение студентов первого-второго и более старших курсов; в пределах каждой квоты отбор респондентов осуществлялся методом снежного кома. В США, в Принстонском университете, квотировались гендерный состав и соотношение студентов первого-второго и более старших курсов; в пределах каждой квоты отбор респондентов носил случайный характер.

Motivation (p. 146–191). Lincoln (NE): University of Nebraska Press, 2003; *Oyserman D., Coon H.M., Kemmelmeier M.* Rethinking Individualism and Collectivism: Evaluation of Theoretical Assumptions and Meta-Analyses // *Psychological Bulletin*, 2002. Vol. 128. No. 1. P. 3–72; *Shurlu, B., Hattie J., Dixon R.* Development of a New Measurement Tool for Individualism and Collectivism // *Journal of Psychoeducational Assessment*, 2007. Vol. 25. No. 4. P. 385–401. Либеральная vs авторитарная культура: *Оруэлл Дж.* Заметки о национализме // Эссе. Статьи. Рецензии. Пермь: Изд-во «КАПИК», 1992. С. 236–256; *Adorn T.W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D.J., Sanford R.N.* (in collaboration with B. Aron, M. H. Levinson and W. Morrow). *The Authoritarian Personality*. Abridged Edition. New York, London: W.W. Norton and Co., 1982; *Barker E.N.* Authoritarianism of the Political Right, Center, and Left // *Journal of Social Issues*, 1963. Vol. 19. Issue 2. P. 63–74; *Eysenck H.J.* Primary Social Attitudes as Related to Social Class and Political Party // *The British Journal of Sociology*, 1951. Vol. 2. No. 3. P. 198–209; *Gaus G., Courtland S.D., Schmidt D.* Liberalism // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* E.N. Zalta (Ed.), 2015, <http://plato.stanford.edu/archives/spr2015/entries/liberalism/>; *Gellner E.* Nations and Nationalism. Ithaca: Cornell University Press, 1983; *Hayek F.* *The Road to Serfdom*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1944; *Johnston D.C.* Liberalism // *Encyclopedia of Governance*. SAGE Publications., Inc., 2007, <http://sk.sagepub.com/reference/governance/n300.xml?PageNum=527>; *Jones O.* Authoritarianism // *International Encyclopedia of Organization Studies*. SAGE Publications, 2007. http://sage-ereference.com/organization/Article_n31.html; *Kemmelmeier M., Burnstein B., Krumov K., Genkova P. Kanagawa C., Hirshberg M.S., Erb H.-P., Wieczorkowska G., Noels K.A.* Individualism, Collectivism, and Authoritarianism in Seven Societies // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2003. Vol. 34. No. 3. P. 304–322; *Lim J.S.* Authoritarianism // *Encyclopedia of Political Communication*. SAGE Publications, 2007, http://sage-ereference.com/politicalcommunication/Article_n36.html; *Martin J.L.* «The Authoritarian Personality», 50 Years Later: What Lessons Are There for Political Psychology? // *Political Psychology*, 2001. Vol. 22. No. 1. P. 1–26; *O'Neill M.* Authoritarian personality // *Encyclopedia of Race, Ethnicity, and Society*. SAGE Publications, 2008, http://sage-ereference.com/ethnicity/Article_n47.html; *Samelson F.* Authoritarianism from Berlin to Berkeley: On Social Psychology and History // *Journal of Social Issues*, 1986. Vol. 42. Issue 1. P. 191–208; *Spector R.A.* Authoritarianism // *Encyclopedia of Governance*. SAGE Publications, 2006, http://sage-ereference.com/governance/Article_n23.html.

Нарочитая квотность выборок объясняется стремлением сделать сравниваемые группы максимально похожими друг на друга по формальным критериям и тем самым по возможности очистить результаты сравнения представителей студенчества России и США от влияния специфики включенных в исследование вузов.

В США полученные в ходе сбора первичной информации массивы данных несколько отклонились от целевых характеристик выборок. Для устранения этого смещения данные были перевзвешены (впрочем, исходные результаты и результаты, полученные после перевзвешивания, в подавляющем большинстве случаев статистически друг от друга не отличались).

Проводимый нами анализ эмпирических данных был нацелен не на изучение структуры индивидуального сознания участников исследования, а на сопоставление распространенности в группах респондентов тех или иных представлений и установок.

Результаты исследования

Нормативные представления о своей стране

Страна и мир. Представления об отношениях своей страны с окружающим миром, которые К. Гаджиев удачно назвал «геополитической идентичностью»¹, а Л. Гринфельд и Дж. Иствуд — «национальным образом мира»², относятся к числу важнейших составляющих образа страны как объекта идентичности³.

¹ *Гаджиев К.С.* Национальная идентичность: концептуальный аспект // *Вопросы философии*. 2011. № 10. С. 3–16.

² *Greenfield L., Eastwood J.* National Identity // *Oxford Handbook of Comparative Politics*. Charles Boix and Susan C. Stokes (Eds.). Oxford: OUP, 2009. www.oxfordhandbooks.com

³ См., напр., трактовку образа страны: *Boulding K.E.* National Images and International Systems // *Conflict Resolution*, 1959. Vol. 3. No. 2. P. 120–131; *Deutsch K., Merritt R.* Effects of Events on National and International Images // *H. Kelman (Ed.)*. *International Behavior: a Social-psychological Analysis*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1965. P. 130–187; *Herrmann R.K.* Image theory and strategic interaction in international relations // *D.O. Sears, L. Huddy, R. Jervis (Eds.)*. *Oxford Handbook of Political Psychology*. New York, Oxford University Press, 2003. P. 285–314. О значении оценок внешней среды и взаимодействия с ней в формировании групповой идентичности: *Brewer M.B.* In-Group Bias in the Minimal Intergroup Situation: A Cognitive- Motivational Analysis // *Psychological Bulletin*, 1979. Vol. 86. No. 2. P. 307–324; *Deaux K.* Reconstructing Social Identity // *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1993. Vol. 19. No. 1. P. 4–19; *Ellemers N., Kortekaas P., Ouwerkerk J.W.* Self-categorization, Commitment to the Group and Group Self-esteem as Related but Distinct Aspects of Social Identity // *European Journal of Social Psychology*, 1999. Vol. 29. Issue 2–3. P. 371–389; *Tajfel H., Turner J.C.* An Integrative Theory of Intergroup Conflict // *G. Austin, S. Worchel, (Eds.)*. *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979. P. 33–47; *Turner J.C., Oakes P.J., Haslam S.A., McGarty C.* Self and Collective: Cognition and Social Context // *Personality and Psychology Bulletin*, 1994. Vol. 20. Issue 5. P. 454–463; *Tversky A.* Features of Similarity // *Psychological Review*, 1977. Vol. 84. No. 4. P. 327–352.

Таблица 1

ЦЕЛЕВЫЕ И ФАКТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЫБОРОК

	Россия		США	
	Цель	Факт	Цель	Факт
Число опрошенных	1 500*	1 399*	500	382**
Пол респондентов (в %)				
Мужчины	50	45	50	40
Женщины	50	55	50	60
Время обучения в вузе (в %)				
1–2-й курс	50	52	50	46
3-й курс и старше	50	48	50	54
Средний возраст респондентов	20	20	20	20

*В России предполагалось опросить по 500 студентов каждого вуза. В ходе исследования получено 496 — МГУ, 363 — МГИМО и 540 — НИУ ВШЭ.

**Всего был опрошен 451 студент. В анализ были включены только студенты-граждане страны.

Из множества этих представлений мы выбрали для анализа только мнения респондентов о том, должна ли их страна стремиться к доминированию над другими странами.

В теории международных отношений ставка страны на господство в мире ассоциируется с поведением великой державы/супердержавы. В 1920-е годы М. Вебер говорил о великих державах как о странах, которые «по собственной воле определяют и обеспечивают масштабы своего участия в глобальных политических и экономических процессах», равно как и «меру своей ответственности за распределение власти и престижа между ними и другими политиями»¹. В настоящее время такое понимание термина «великая держава» является общепринятым².

В концепциях авторитарной личности отношения с окружающим миром, построенные на господстве/подчинении/неравенстве, или, говоря словами Э. Фромма, отношения «садомазохистского» типа³, рассматриваются

¹ Weber M. *Essays in Sociology*. Translated, Edited, and with an Introduction by H.H. Gerth and C. Wright Mills. New York: Oxford University Press, 1946.

² Смысл веберовского определения воспроизводится в наиболее влиятельных англоязычных и российских словарях и энциклопедиях. См., напр.: *A Dictionary of World History* (2d ed.) / E. Wright (Ed.). Oxford University Press, 2006. Current Online Version: 2012. <http://82.179.249.32:2394/view/10.1093/acref/9780192807007.001.0001/acref-9780192807007-e-1531>; *Oxford Encyclopedia of the Modern World*. Peter N. Stearns (Ed.). Oxford University Press, 2008. Current Online Version: 2012. <http://82.179.249.32:2394/view/10.1093/acref/9780195176322.001.0001/acref-9780195176322-e-653>; http://universal_ru_en.academic.ru/

³ Фромм Э. *Бегство от свободы. Человек для себя*. М.: АСТ: АСТ Москва, 2006.

в качестве одной из фундаментальных составляющих авторитарной культуры. С этой точки зрения ответы на вопросы о желательности/нежелательности доминирования страны в мире представляют собой зависящую от уровня авторитарности проекцию личностных установок граждан на внешнюю политику своей страны.

Чтобы определить распространенность в исследуемых группах желания видеть свою страну господствующей над другими странами, респондентам предлагалось ответить, в какой мере они согласны или не согласны с утверждениями «Наша страна может существовать только как великая держава» и «Нашу страну должны бояться. Только тогда нас будут уважать».

Ответы представлены в табл. 2. Как видно из таблицы, у российских студентов пафос великодержавности выражен значительно сильнее, чем у американских: доля считающих, что *единственно приемлемым международным статусом страны является положение великой державы*, среди российских респондентов была в 3 раза выше, чем среди американских.

Сопоставление полученных результатов с данными общенациональных опросов не претендует на точность из-за разницы формулировок вопросов. Тем не менее оно дает основание полагать, что популярность идеи великой державы у российских студентов выше, чем в среднем по стране, тогда как у американских — ниже. В 2014 году доля россиян, стремящихся видеть страну «великой державой, которую уважают и побаиваются другие страны»⁴, равнялась 48%; полученный нами студенческий показа-

⁴ Общественное мнение — 2015. М.: Левада-Центр, 2014.

Таблица 2

ОТНОШЕНИЯ СВОЕЙ СТРАНЫ С ОКРУЖАЮЩИМ МИРОМ: НОРМАТИВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ. В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ СО СЛЕДУЮЩИМИ УТВЕРЖДЕНИЯМИ? (в % от числа опрошенных)

	Россия N = 1399	США N = 382
Наша страна может существовать только как великая держава*		
Согласен + Скорее согласен	62	23
Не согласен + Скорее не согласен	29	73
Нашу страну должны бояться. Только тогда нас будут уважать		
Согласен + Скорее согласен	38	4
Не согласен + Скорее не согласен	57	94

*В части российских анкет это утверждение звучало более драматично: «Для нашей страны перестать быть великой державой было бы катастрофой». Однако на распределение ответов изменение формулировки вопроса практически не повлияло. В американской анкете вместо «великая держава» использовался термин *superpower*, поскольку, по мнению американских партнеров, понятие *great power* у американских студентов имеет четкие отрицательные коннотации.

тель (62%) был выше этого уровня в 1,3 раза. Удельный вес американцев, считающих, что США должны играть роль единственного или самого активного мирового лидера, в 2013 году был равен 32%¹. Между тем у американских студентов поддержка сходной по смыслу идеи составляла 23%, то есть была в 1,4 раза слабее.

Не исключено, что отличия позиций российских и американских студентов от взглядов «среднестатистических» граждан их стран обусловлены чувствительностью студентов к динамике общественных настроений. В России начиная с середины 2000-х годов «спрос» на великую державу устойчиво возрастал, тогда как в США снижался. По данным «Левада-Центра», в 2005–2014 годы доля россиян, желающих видеть страну великой державой, выросла в 1,3 раза (с 36 до 48%), а считающих ее уже таковой — в 1,6 раза (с 40 до 63%)². Для сравнения: удельный вес американцев, полагающих, что США должны быть мировым лидером, в 2005–2013 годы снизился в 1,2 раза (с 37 до 32%), а доля убежденных, что в эти годы позиции США как мирового лидера *остались неизменными* или *улучшились*, сократилась в 1,7 раза (с 76 до 44%)³.

Мнение о том, что *необходимым условием уважения к стране является страх перед ней*, не пользуется поддержкой большинства ни рос-

сийских, ни американских студентов. Однако среди российских студентов число верящих в необходимость на соседей «сеять страх» было почти в 10 раз больше, чем среди американских (38% против 4%). При этом позиция российских студентов в рассматриваемом вопросе очень близка настроениям, характерным для общероссийской выборки, тогда как американские студенты были намного миролюбивее своих соотечественников. В 2014 году доля российских граждан, желающих видеть свою страну «непобедимой», составила 36%⁴, то есть практически совпала с долей воинственно настроенных российских студентов в нашем исследовании. Между тем удельный вес американцев, согласившихся с утверждением, что «военная мощь» США является лучшим средством обеспечить мир, в этом же году был равен 30%⁵, то есть в 8 раз превышал долю американских участников нашего исследования, желающих, чтобы их страну боялись (4%)⁶.

Связь между великодержавностью и стремлением держать в страхе окружающий мир (или, выражаясь более академически, стремлением опираться во внешней политике на жесткую

⁴ Общественное мнение — 2015. М.: Левада-Центр, 2014.

⁵ Pew Research Center. June. 2014. «Beyond Red vs. Blue: The Political Typology», <http://www.people-press.org/files/2014/06/6-26-14-Political-Typology-release1.pdf>

⁶ Заметим попутно, что, согласно данным World Values Survey (WVS), в 2006–2011 годах в США в ответах на вопрос «Что является самым важным приоритетом для вашей страны?» популярность позиции «обеспечение сильной обороноспособности» в целом по общенациональной выборке снизилась с 29 до 13%. В России за тот же период поддержка «обеспечения сильной обороноспособности» на общенациональном уровне почти не изменилась (12% в 2006-м и 10% в 2011-м), <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp>; номера вопросов V 69, 60.

¹ Pew Research Center. December. 2013. «America's Place in the World 2013». <http://www.people-press.org/files/legacy-pdf/12-3-2013%20APW%20VI.pdf>

² Общественное мнение — 2015. М.: Левада-Центр, 2014.

³ Pew Research Center. December. 2013. «America's Place in the World 2013». <http://www.people-press.org/files/legacy-pdf/12-3-2013%20APW%20VI.pdf>

силу)¹ у российских студентов была значительно более тесной, чем у студентов американских. Среди тех, кто полагает необходимым для своей страны быть великой державой, доля считающих, что ее должны бояться, составила у российских респондентов 50%, а у американских — только 16%.

Итак, большинству опрошенных нами российских студентов хотелось бы видеть Россию великой державой, тогда как американские студенты по преимуществу полагали, что США могут без этого обойтись. Кроме того, в представлениях о великой державе российские студенты оказались заметно более агрессивны, чем американские.

Устройство общества

Нормативные взгляды респондентов на устройство общества определялись по следующим позициям.

Представления о желаемом политическом режиме — отношение к институтам политической демократии.

*Представления о справедливости*².

- Процедурная справедливость (оценивалось отношение к равенству перед законом, равноправию, дискриминации меньшинств).
- Дистрибутивная справедливость (отношение к проблеме ответственности человека за свое благосостояние, неравенству доходов).
- Карающая справедливость (отношение к суровости наказаний за преступления).

В США отношение к институтам политической демократии и включенным в исследование аспектам процедурной и дистрибутивной справедливости определяет содержательную

специфику американского образа жизни и американской идентичности³. В России отношение к этим аспектам общественного устройства находится в центре дискуссий, посвященных постсоветской страновой идентичности.

Сходство российского и американского подходов к страновой идентичности не должно удивлять. Оно во многом определяется упоминавшимся в начале работы свойственным российской культуре механизмом самооценки — ориентацией на «зеркальный имидж/mirror image», то есть имидж, который опирается не столько на собственные культурные образцы, сколько на принятие или отрицание образцов чужой культуры⁴. По замечанию И. Феоктистова, «самоопределение русской (в широком смысле) нации всегда происходило не на основе формирования “внутренних нематериальных символов”, а на основе противопоставления символам иных наций /.../ Иначе говоря, на вопрос: “Кто мы?” русские отвечали (и продолжают отвечать): “Мы — не они”»⁵. Начиная примерно с Ивана III, то есть с XVI века, и до 1917 года «зеркалом» для России служила Европа⁶. В советский и пост-

¹ О жесткой силе и ее компонентах см.: *Nye J.S. Power to Lead: Soft, Hard and Smart*. Cary, NC, USA: Oxford University Press, 2008.

² О процедурной, дистрибутивной и карающей справедливости см.: *Гулевич О.А. Социальная психология справедливости*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011; *Ролз Дж. Теория справедливости*. Изд. 2-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2010; *Clayton S., Opat S. Justice and Identity: Changing Perspectives on What Is Fair // Personality and Social Psychology Review*. 2003. Vol. 7. No. 4. P. 298–310; *Deutsch M. Justice and Conflict // M. Deutsch, P.T. Coleman, E.C. Marcus (Eds.). The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice, Second Edition*. San Francisco (CA): Jossey-Bass, 2011; *Lamont J., Favor C. Distributive Justice // E.N. Zalta (Ed.) The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2014, <http://plato.stanford.edu/archives/fall2014/entries/justice-distributive/>; *Phelps E.S. Distributive justice // J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman (Eds.). The New Palgrave Dictionary of Economics Online*. Palgrave Macmillan, 1987, http://proxylibrary.hse.ru:3951/article?id=pde1987_X000607; *Tyler T.R., Blader S.L. The Group Engagement Model: Procedural Justice, Social Identity, and Cooperative Behavior // Personality and Social Psychology Review*. 2003. Vol. 7. No. 4. P. 349–361; *Walen A. Retributive Justice // E.N. Zalta (Ed.). The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2015, <http://plato.stanford.edu/archives/sum2015/entries/justice-retributive/>

³ См., напр.: *Citrin J., Reingold B., Green D.P. American Identity and the Politics of Ethnic Change // The Journal of Politics*, 1990. Vol. 52. No. 4. P. 1124–1154; *Delameter J., Katz D., Kelman H.C. On the Nature of National Involvement: A Preliminary Study // Journal of Conflict Resolution*, 1969. Vol. 13. No. 3. P. 320–357; *Feldman S. Structure and Consistency in Public Opinion: the Role of Core Beliefs and Values // American Journal of Political Science*, 1988. Vol. 32. No. 2. P. 416–440; *Gleason Ph. American Identity and Americanization // The Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups*. S. Thernstrom (Ed.). Cambridge: Harvard University Press, 1980; *Huntington S. American Politics: The Promise of Disharmony*. Cambridge: Harvard University Press, 1981; *Kohn H. American Nationalism: An Interpretive Essay*. New York: Macmillan, 1957; *Lipset S.M. The First New Nation*. New York: Basic Books, 1963; *McClosky H., Zaller J. The American Ethos: Public Attitudes toward Capitalism and Democracy*. Cambridge: Harvard University Press, 1984; *Smith R.M. The ‘American Creed’ and American Identity: The Limits of Liberal Citizenship in the United States // Western Political Quarterly*, 1988. Vol. 41. No. 2. P. 225–251; *Wildavsky A. The Three Cultures: Explaining Anomalies in the American Welfare State // Public Interest*, 1982. No. 69. P. 45–58; *Williams R.M. American Society: A Sociological Interpretation*. 2d ed., rev. New York: Knopf, 1960.

⁴ *Bronfenbrenner U. The Mirror Image in Soviet-American Relations: A Social Psychologist's Report // Journal of Social Issues*, 1961. Vol. 17. No. 1. P. 45–56.

⁵ *Феоктистов И.* От редакции. На переломе, в поисках себя // С. Хантингтон. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. С. 5–8.

⁶ В 1904 году св. Николай Японский темпераментно и раздраженно писал об этом так: «За что бы нас любить и жаловать? /.../ Верхний класс — коллекция обезьян — подражателей и обожателей то Франции, то Англии, то Германии и всего прочего заграничного /.../ И при всем том мы — самого высокого мнения о себе: мы только истинные христиане, у нас только настоящее просвещение, а там — мрак и гнилость; а сильны мы так, что шапками всех забросаем...». Св. Н. Японский. // *Дневники святителя Николая Японского (1870–1911 гг.)*. [Электронный ресурс]. http://www.k-istine.ru/library/nikolay_yaponskiy-01.htm.

советский период роль главного зеркала стали играть США.

Что касается отношения к суровости наказаний, эта позиция в теориях политических режимов большой популярностью не пользуется, отчасти из-за нелюбимого институционалистами ярко выраженного психологизма, отчасти потому, что на вопрос «Что есть суровое наказание?» общепринятого ответа не существует. Между тем отношение это важно, так как серьезно влияет на моральный климат общества. Кроме того, многократно подтверждавшееся на практике замечание Монтескье о том, что «строгость в наказаниях более уместна в деспотических государствах, принцип которых — страх, чем в монархиях и республиках, которые имеют своим двигателем честь и добродетель»¹, позволяет использовать рассматриваемую характеристику для сравнения склонности изучаемых сообществ к либеральным или авторитарным ценностям.

Таблица 3

ЗНАЧИМОСТЬ ИНСТИТУТОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ. В КАКОЙ МЕРЕ ПЕРЕЧИСЛЕННОЕ НИЖЕ ВАЖНО ДЛЯ ВАШЕЙ СТРАНЫ? (в % от числа опрошенных)

	Россия (N = 1399)	США (N = 382)
Суд, защищающий права граждан от посягательств со стороны государства		
Очень важно + Скорее важно	89	97
Совсем не важно + Скорее не важно	3	1
Свободные и справедливые выборы		
Очень важно + Скорее важно	86	98
Совсем не важно + Скорее не важно	7	1
Независимые СМИ		
Очень важно + Скорее важно	82	96
Совсем не важно + Скорее не важно	8	1
Сильная политическая оппозиция		
Очень важно + Скорее важно	59	74
Совсем не важно + Скорее не важно	18	7
В среднем по четырем позициям		
Либеральные взгляды (Очень важно + Скорее важно)	79	91
Авторитарные взгляды (Совсем не важно + Скорее не важно)	9	4

Отношение к институтам политической демократии

Данные табл. 3 показывают, что значимость институтов политической демократии оценивается российскими студентами несколько ниже, чем студентами американскими. Однако эти

¹ Монтескье Ш.Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999.

различия не имеют качественного характера. В обеих группах численность тех, для кого демократические институты важны, намного превышает численность тех, для кого они не важны, а наименьшей популярностью и там, и там почему-то пользуется «сильная оппозиция».

Между тем впечатление о близости российских и американских позиций в данном вопросе обманчиво, поскольку основано на сопоставлении мнений на уровне общих формулировок, не привязанных к представлениям опрошенных о приоритетах страны и об эффективности работы демократических институтов. При уточнении этих аспектов картина резко меняется.

Судя по табл. 4, общественные приоритеты российских и американских студентов выстроены противоположным образом: у россиян лидируют экономический рост и отсутствие коррупции, то есть задачи, ассоциируемые прежде всего с материальным благополучием и *напрямую* с базовыми либеральными ценностями

не связанные. Между тем приоритетами американских студентов являются именно либеральные ценности.

В табл. 5 представлены студенческие оценки возможностей реализации этих приоритетов в условиях демократической и авторитарной политических систем. Легко видеть, что среди

Таблица 4

ИЕРАРХИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРИОРИТЕТОВ. ЧТО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО ВЫ СЧИТАЕТЕ САМЫМ ВАЖНЫМ ДЛЯ СТРАНЫ? (в % от числа опрошенных)

	Россия (N = 1399)	США (N = 382)
Материальное благополучие		
Экономический рост	25	1
Отсутствие коррупции	25	11
Стабильность	16	14
Политические условия личной самореализации		
Равенство возможностей	17	37
Свобода	13	34

Таблица 5

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО И АВТОРИТАРНОГО РЕЖИМОВ. ЧТО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО МОЖЕТ БЫТЬ СКОРЕЕ ОБЕСПЕЧЕНО ПРИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ПРАВЛЕНИИ, А ЧТО – ПРИ АВТОРИТАРНОМ ПРАВЛЕНИИ? (в % от числа опрошенных)

	Россия (N = 1399)	США (N = 382)
Материальное благополучие		
Экономический рост		
Демократическое правление	39	58
Авторитарное правление	32	10
Отсутствие коррупции		
Демократическое правление	31	68
Авторитарное правление	42	4
Стабильность		
Демократическое правление	18	36
Авторитарное правление	64	34
Политические условия личной самореализации		
Равенство возможностей		
Демократическое правление	70	78
Авторитарное правление	14	3
Свобода		
Демократическое правление	88	91
Авторитарное правление	2	0
В среднем по пяти позициям		
Сторонники демократического правления	49	67
Сторонники авторитарного правления	31	10

россиян популярность авторитарного режима значительно выше, чем среди американцев.

Иначе говоря, у российских студентов по сравнению с американскими либеральная демократия пользуется меньшей популярностью и в ценностном аспекте (общественные приоритеты), и по прагматическим соображениям

(возможности реализации приоритетов).

Разница в отношении наших респондентов к институтам политической демократии примерно соответствует различиям в оценках важности демократии, фиксируемым в общенациональных социологических опросах (см. табл. 6).

Абсолютные значения включенных в эту таблицу данных WVS и нашего исследования несопоставимы: слишком велика разница методик их получения. Однако приведенные в нижней строке таблицы межстрановые соотношения представляются нам заслуживающими доверия, так как в этом случае речь идет о сравнении оценок, полученных с помощью одних и тех же вопросов.

Представления о справедливости

Процедурная справедливость (отношение к равенству перед законом, равноправию, дискриминации меньшинств).

Ответы респондентов на вопросы о процедурной справедливости (табл. 7) по характеру напоминают ответы, касающиеся институтов политической демократии. Как и там, на уровне общих, внеконтекстных формулировок про-

Таблица 6

ОТНОШЕНИЕ К ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ И США (в % от числа опрошенных)

Страны	World Values Survey (WVS)*		НИУ ВШЭ/Принстон
	Общенациональные выборки		Студенты
	2006	2011	2014
Россия	<i>N</i> = 2 033 62	<i>N</i> = 2 500 63	<i>N</i> = 1 399 49
США	<i>N</i> = 1 249 79	<i>N</i> = 2 232 79	<i>N</i> = 382 67
Россия/США	62/79 = 0,8	63/79 = 0,8	49/67 = 0,7**

Источник: World Values Survey (<http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>).

*WVS. Вопрос: «Насколько важно для вас жить в стране с демократической властью?»

Варианты ответов: Отметьте свою позицию на 10-балльной шкале, где 1 означает «совершенно не важно», а 10 — «абсолютно важно». Цифры, приведенные в табл.: ответы «важно» (7–10) в % от числа участников опроса.

**Цифры, приведенные в табл.: «Сторонники демократического правления» по данным табл. 5 (последняя строка).

Таблица 7

ОТНОШЕНИЕ К НЕКОТОРЫМ АСПЕКТАМ ПРОЦЕДУРНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ (в % от числа опрошенных)

	Россия (<i>N</i> = 1 399)	США (<i>N</i> = 382)
В какой мере равенство всех граждан перед законом важно для страны?		
Очень важно + Скорее важно	92	97
Совсем не важно + Скорее не важно	3	2
Люди качественно отличаются друг от друга, поэтому у них не должно быть равных прав		
Не согласен + Скорее не согласен	75	95
Согласен + Скорее согласен	20	4
В какой мере гарантированность прав меньшинств важно для страны?		
Очень важно + Скорее важно	62	94
Совсем не важно + Скорее не важно	17	2
Национальные меньшинства имеют слишком много власти и влияния в нашей стране		
Не согласен + Скорее не согласен	59	92
Согласен + Скорее согласен	27	4
В среднем по четырем позициям		
Принятие процедурной справедливости	72	95
Отторжение процедурной справедливости	17	3
В среднем по трем позициям (без учета равенства граждан перед законом)		
Принятие процедурной справедливости	65	94
Отторжение процедурной справедливости	21	3

цедурная справедливость получила примерно одинаковую поддержку у российских и американских студентов.

Однако в ответах на более конкретные вопросы популярность процедурной справедливости среди россиян заметно снижается, тогда как среди американцев устойчиво держится на высоком уровне.

Иными словами, на декларативном уровне российские студенты поддерживают идеи политической демократии и процедурной справедливости примерно так же, как и американские. Однако конкретизация вопросов обнаруживает, что они в значительно большей мере, чем студенты американские, склонны ориентироваться на авторитарные ценности.

Дистрибутивная справедливость (отношение к проблеме ответственности человека за свое благосостояние, неравенству доходов).

Как видно из табл. 8, у российских и американских студентов популярность личной ответственности человека за свое материальное благополучие (ответы на два первых вопроса) сочетается с поддержкой идеи выравнивания доходов. Такое соотношение позиций показывает, что в сфере дистрибутивной справедливости обе группы тяготеют к идеологии социального либерализма, для которого недопущение чрезмерного неравенства доходов является одним из важнейших условий обеспечения баланса позитивных и негативных прав граждан¹.

То обстоятельство, что у российских студентов популярность социального либерализма заметно ниже, чем у американских, не мешает обеим группам быть в рассматриваемой области значительно либеральнее общественного мнения своих стран. Однако характер расхождений между студентами и «гласом народа» в России и США по каждой из включенных в исследование позиций неодинаков. В вопросе о том, *кто в большей мере несет ответственность за благосостояние граждан, государство или сами граждане*, преобладающая у российских студентов индивидуалистическая позиция выбивает их из общекультурного контекста страны, где большинство граждан склонно считать, что ответственным за их благосостояние является государство. Это особенно бросается в глаза на фоне наблюдаемого с середины 1990-х годов полевения российского общественного мнения (см. табл. 9).

Между тем у американских студентов, которые также живут в условиях левеющего, но не столь социально ориентированного общества, ценностного конфликта с большинством населения страны в этом вопросе не наблюдается. Там просматривается лишь большая выраженность характерного для американцев принятия ответственности за свое благополучие на себя.

В оценках *причин бедности в стране* расхождения между взглядами студентов и позициями

Таблица 8

ОТНОШЕНИЕ К НЕКОТОРЫМ АСПЕКТАМ ДИСТРИБУТИВНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ (в % от числа опрошенных)

	Россия (N = 1 399)	США (N = 382)
За благосостояние граждан основная ответственность лежит:		
на государстве (коллективистская позиция)	29	15
на самих гражданах (индивидуалистическая позиция)	52	53
В том, что в стране есть бедные люди:		
виновно несправедливое устройство общества (коллективистская позиция)	29	7
виновны сами бедные, их лень и безволие (индивидуалистическая позиция)	39	67
Необходимо большее равенство доходов (коллективистская позиция)	45	64
Необходимо усилить неравенство доходов — это стимулирует людей (индивидуалистическая позиция)	34	10
В среднем по трем позициям		
Коллективистская дистрибутивная справедливость	34	29
Индивидуалистическая дистрибутивная справедливость	42	43

¹ Более или менее подробно об отличиях социального либерализма от либертарианства и классического либерализма см.: Урнов М.Ю. Социальный либерализм в России (взгляд политолога) // Общественные науки и современность. 2013. № 3. С. 30–43.

«среднестатистических» граждан в обеих странах сходны и по направленности, и по величине. Насколько позволяют судить грубые сопостав-

Таблица 9

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС О ТОМ, КТО НЕСЕТ ОСНОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА БЛАГОСОСТОЯНИЕ ГРАЖДАН — САМИ ГРАЖДАНЕ ИЛИ ГОСУДАРСТВО (в % от числа опрошенных)

	World Values Survey (WVS)			НИУ ВШЭ/ Принстон
	Общенациональные выборки			Студенты
	1995	2006	2011	2014
За благосостояние граждан основная ответственность лежит:				
Россия	<i>N</i> = 2 040	<i>N</i> = 2 033	<i>N</i> = 2 500	<i>N</i> = 1 399
на государстве	57	65	70	29
на гражданах	16	16	12	52
США	<i>N</i> = 1 542	<i>N</i> = 1 249	<i>N</i> = 2 232	<i>N</i> = 382
на государстве	17	27	27	15
на гражданах	64	43	47	53

Источник: WVS (<http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>). Номера вопросов: 1995 — V 127, 2006 — V 118, 2011 — V 98.

Примечание.

Вопрос WVS: Отметьте свою позицию на 10-балльной шкале, где 1 означает полное согласие с утверждением «Основная ответственность за благосостояние граждан лежит на государстве», а 10 — полное согласие с утверждением «Основная ответственность за благосостояние граждан лежит на самих гражданах».

Вопрос НИУ ВШЭ / Принстон: Какое из мнений вам ближе: «За благосостояние граждан основная ответственность лежит на государстве» или «За благосостояние граждан основная ответственность лежит на самих гражданах».

Группировка ответов WVS: на государстве — ответы 1–4; на гражданах — ответы 7–10.

ления, доля российских и американских студентов, считающих основной причиной бедности в стране лень и другие негативные личностные качества бедных, превышает удельный вес сторонников этой позиции в общенациональных выборках своих стран примерно в 2 раза¹.

Во взглядах на *распределение доходов* и российские, и американские студенты оказываются в ценностном конфликте с настроениями, преобладающими в их обществах: в отличие от студентов, большинство граждан России и США усиление неравенства доходов предпочитают их выравниванию (табл. 10).

Вынуждены обратить внимание на то, что выводы об отношении российского общества к неравенству доходов мы строим на основе данных WVS 1995–2006 годов, поскольку доверять результатам более позднего исследования WVS (2011) в этой области вряд ли возможно. Дело в том, что во всех опросах WVS, предше-

вавших опросу 2011 года, россияне устойчиво демонстрировали верность принципу неравенства доходов. Кривая распределения их мнений здесь напоминала параболу (U) с выраженным смещением в пользу неравенства и находилась в «противофазе» кривой ответов на вопрос об ответственности за благосостояние граждан (вопросы 1995 — V 127, 2006 — V 118), где эта ответственность возлагалась по преимуществу на государство. Однако в опросе 2011 года картина внезапно качественно изменилась. Кривая распределения ответов о неравенстве стала походить на гиперболу, демонстрирующую преобладание уравнивательных взглядов. В результате популярность государственной заботы о гражданах и популярность выравнивания доходов сомкнулись (коэффициент корреляции между этими показателями стал равен 0,99, тогда как в 1995 и 2006 годах составлял соответственно –0,07 и 0,23). Поверить в подобную революцию ценностей трудно. Взгляды на неравенство доходов относятся к базовым характеристикам культуры общества, для качественного изменения которых в масштабах страны за сравнительно короткий (пятилетний) срок нужны мощные социальные потрясения или интенсивное массовое промывание мозгов. Но ничего подобного в России во второй по-

¹ Данные по России за 2013 год см.: Тихонова Н.Е. Феномен бедности в современной России // Социологические исследования, 2014. № 1. С. 7–19. [Электронный ресурс]. <http://demoscope.ru/weekly/2014/0607/analit02.php>. Данные по США за 2015 год см.: College of Mount Saint Vincent. Fishlinger Center for Public Policy Research. 2016. Society or the Individual: Root Causes of Poverty in America. <https://www.mountsaintvincent.edu/society-or-the-individual-root-causes-of-poverty-in-america/>.

Таблица 10

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС ОБ ОТНОШЕНИИ К РАВЕНСТВУ/НЕРАВЕНСТВУ ДОХОДОВ (в % от числа опрошенных)

	World Values Survey (WVS)			НИУ ВШЭ/ Принстон
	Общенациональные выборки			Студенты
	1995	2006	2011	2014
В отношении доходов необходимо большее:				
Россия	<i>N</i> = 2 040	<i>N</i> = 2 033	<i>N</i> = 2 500	<i>N</i> = 1 399
равенство	22	30	64	45
неравенство	51	53	12	34
США	<i>N</i> = 1 542	<i>N</i> = 1 249	<i>N</i> = 2 232	<i>N</i> = 382
равенство	33	18	30	64
неравенство	37	43	36	10

Источник: WVS (<http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>). Номера вопросов в анкетах: 1995 — V 125, 2006 — V 116, 2011 — V 96.

Примечание.

Вопрос WVS: Отметьте свою позицию на 10-балльной шкале, где 1 означает полное согласие с утверждением «Необходимо большее равенство доходов», а 10 — полное согласие с утверждением «Необходимо усилить неравенство доходов — это стимулирует людей».

Вопрос НИУ ВШЭ / Принстон: Какое из мнений вам ближе: «Необходимо большее равенство доходов» или «Необходимо большее неравенство доходов — это стимулирует людей».

Группировка ответов WVS: равенство — ответы 1–4; неравенство — ответы 7–10.

ловине 2000-х не происходило. Имевшие место в 2008 году экономический кризис и военный конфликт в Грузии не могут претендовать на роль факторов, способных обеспечить глубокие и быстрые изменения ценностных ориентаций большинства населения страны. Государственная пропаганда в эти годы также менее всего была озабочена распространением левоавторитарных (коммунистических) идей. О том, что в России в 2006–2012 годы никаких перемен во взглядах на неравенство не происходило, свидетельствуют и данные European Social Survey¹. Иными словами, в опросе WVS 2011 года мы, скорее всего, сталкиваемся либо с дефектом выборки, либо с некачественным заполнением анкет, либо с техническими ошибками при формировании базы данных, либо с каким-нибудь сочетанием этих трех обстоятельств.

Карающая справедливость (отношение к суровости наказаний за преступления).

В отношении наказания преступников российские студенты были настроены значительно более репрессивно, чем американские (табл. 11).

Напрямую сравнить позиции российских и американских студентов с общественным мнени-

нием их стран нам удалось только в отношении применения смертной казни за убийство (данных общенациональных опросов России и США по остальным включенным в исследование аспектам карающей справедливости найти не удалось).

Во взглядах на смертную казнь за убийство, так же как в области дистрибутивной справедливости, наблюдалось смещение обеих групп «в одну и ту же сторону»: российские и американские студенты были настроены гуманнее «среднестатистических» граждан своих стран. При этом отклонение позиций наших респондентов от общенациональной выборки в России было несколько меньшим, чем в США: уровень поддержки смертной казни за убийство среди российских студентов был ниже среднего по стране примерно в 1,5–1,7 раза (38% против 63% в 2014 году и 57% в 2015-м), а среди американских студентов — в 2,1 раза (26% против 55% в 2013 году и 56% в 2015-м)².

² Данные по России за 2014 и 2015 годы см.: опросы ФОМ [Электронный ресурс]. <http://fom.ru/TSennosti/11722>; <http://fom.ru/Bezopasnosti-pravo/12128>. Данные по США за 2013 и 2015 годы см.: Pew Research Center. March 28, 2014, «Shrinking Majority of Americans Support Death Penalty» <http://www.pewforum.org/2014/03/28/shrinking-majority-of-americans-support-death-penalty/>; Pew Research Center. April, 2015. «Less Support for Death Penalty, Especially Among Democrats».

¹ [Электронный ресурс]. <http://www.europeansocialsurvey.org/data/>

Таблица 11

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КАРАЮЩЕЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ (в % от числа опрошенных)

Вопросы		Россия (N = 1 399)	США (N = 382)
Тюремное заключение без суда Держать человека в тюрьме без суда:			
— допустимо, если человек опасен для общества		55	28
— недопустимо ни при каких обстоятельствах		37	46
Суровость наказания как средство борьбы с преступностью			
— если преступников наказывать более сурово, преступность снизится		54	10
— мы слишком сурово обходимся с преступниками, их нужно скорее лечить, чем наказывать		18	67
Отношение к смертной казни Как вы относитесь к применению смертной казни к людям, совершившим следующие преступления?			
Терроризм	За	65	33
	Против	25	51
Изнасилование несовершеннолетней	За	50	21
	Против	34	60
Умышленное убийство	За	38	26
	Против	44	58
Торговля наркотиками	За	27	1
	Против	58	95
Коррупция	За	16	2
	Против	71	93
Государственная измена, шпионаж (в мирное время)	За	15	7
	Против	67	83
В среднем по шести позициям	За	35	15
	Против	50	73

Утверждать на основании этих данных, что студенты и во всех остальных областях карающей справедливости более склонны к гуманности, чем общественное мнение их стран, нельзя. Судя по России, это неверно даже в отношении применения смертной казни за преступления, отличные от убийства.

Как видно из табл. 12, взгляды российских участников исследования на смертную казнь за терроризм и коррупцию значительно жестче общероссийских, за изнасилование несовершеннолетней и торговлю наркотиками — мягче, в отношении кары за государственную измену совпадают с общественным мнением страны, а в среднем по всем шести включенным в исследование преступлениям мало чем от него отличаются.

Компоненты отношения к своей стране

В научной и публицистической литературе, равно как и в массовом сознании, отношение

к стране, **превращающее ее в объект национальной идентичности**, чаще всего именуется *патриотизмом*. Анализ философских, психологических, социологических и политологических работ, посвященных патриотизму¹, позволяет

¹ Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012; Калхун К. Национализм. М.: Изд-во «Территория будущего», 2006; Соловьев Вл.С. Национализм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 20А. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1897. С. 710; Соловьев Вл.С. Патриотизм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 23. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1898. С. 36–38; Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005; Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. 2-е изд., стер. СПб.: Наука, 2008; Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Revised Edition. London, New York, Verso, 2006; Backhouse S. Nationalism and Patriotism // The Oxford Handbook of Theology and Modern European Thought. N. Adams, G. Pattison, G. Ward (Eds.). OUP. Oxford Handbooks Online, 2013 (www.oxfordhandbooks.com). DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199601998.013.0003; Baron M. Patriotism and 'Liberal' Morality // D. Weissbord (Ed.) Mind, Value, and Culture: Essays in Honor of E.M. Adams. Atascadero: Ridgeview Publishing Co., 1989. P. 269–300; Billig M. Banal Nationalism. London: Sage Publ., 1995; Brighouse H. Justifying Patriotism // Social Theory and Practice, 2006. Vol. 32. No. 4.

Таблица 12

ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТНОЙ КАЗНИ В РОССИИ. ВЫСКАЗАВШИЕСЯ ЗА ПРИМЕНЕНИЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ (в % числу опрошенных)

Преступления	Фонд «Общественное мнение» (ФОМ)			НИУ ВШЭ/Принстон
	Россия в целом			Российские студенты
	2012	2014	2015	2014
	<i>N</i> = 1 500	<i>N</i> = 1 500	<i>N</i> = 1 500	<i>N</i> = 1 399
Терроризм	54	53	55	65
Изнасилование несовершеннолетней*	72	73	71	50
Умышленное убийство**	64	63	57	38
Торговля наркотиками***	28	28	34	27
Коррупция****	5	6	8	16
Госизмена, шпионаж (в мирное время)*****	12	13	15	15
В среднем по шести позициям	39	39	40	35

Данные ФОМ: 2012 — [Электронный ресурс]. <http://fom.ru/obshchestvo/10378>; 2014 — [Электронный ресурс]. <http://fom.ru/TSennosti/11722>; 2015 — [Электронный ресурс]. <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/12128>.

Формулировки ФОМ: *Сексуальное преступление против несовершеннолетних; **Убийство; ***Распространение наркотиков; ****Взяточничество; *****Государственная измена, раскрытие государственной тайны.

Примечание.

В опросе ФОМ шпионаж фигурировал в качестве отдельной позиции. За применение смертной казни по этой позиции высказалось заметно меньше респондентов, чем за государственную измену (2012 — 6%; 2014 — 4%; 2015 — 9%).

P. 547–558; *Canovan M.* Patriotism Is Not Enough // *British Journal of Political Science*, 2000. Vol. 30. No. 3. P. 413–432; *Cohen J.* (Ed.) *For Love of Country: Debating the Limits of Patriotism*. Boston: Beacon Press, 1996; *Dekker H., Malová D., Hoogendoorn S.* Nationalism and Its Explanations // *Political Psychology*, 2003. Vol. 24. No. 2 (Special Issue: National Identity in Europe). P. 345–376; *Dietz M.G.* Patriotism // T. Ball, J. Farr, R.L. Hansen (Eds.). *Political Innovation and Conceptual Change*. Cambridge, UK: CUP, 1989. P. 177–193; *Gellner E.* *Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell University Press, 1983; *Greenfeld L.* *Nationalism: Five Roads to Modernity*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992; *Hobsbawm E.J.* *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. 2-d ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1992; *Kateb G.* Is Patriotism a Mistake? // *Social Research*, 2000. Vol. 67. No. 4. P. 901–924; *Miller D.* Nationalism // *The Oxford Handbook of Political Theory*. / J.S. Dryzek, Honig, A. Phillips (Eds.). OUP. Oxford Handbooks Online, 2008 (www.oxfordhandbooks.com). DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199548439.003.0029 2009; *Miscevic N.* Nationalism // E.N. Zalta (ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2014, <http://plato.stanford.edu/archives/win2014/entries/nationalism/>; *Müller J.-W.* *Constitutional Patriotism*. Princeton: PUP, 2007; *Nathanson S.* In Defense of 'Moderate Patriotism' // *Ethics*, 1989. Vol. 99. No. 3. P. 535–552; *Primoratz I.* Patriotism // E.N. Zalta (Ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2015, <http://plato.stanford.edu/archives/spr2015/entries/patriotism/>; *Rothi D.M., Lyons E., Chryssochoou X.* National Attachment and Patriotism in a European Nation: A British Study // *Political Psychology*, 2005. Vol. 26. Issue 1. P. 135–154; *Schatz R.T., Staub E., Lavine H.* On the Varieties of National Attachment: Blind versus Constructive Patriotism // *Political Psychology*, 1999. Vol. 20. No. 1. P. 151–174; *Schochet G.* Patriotism // Neil J. Smelser and Paul B. Baltes (Eds-in-Chief). *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Palo Alto, CA: Elsevier, 2001. P. 11116–11118; *Vincent A.* Patriotism // *New Dictionary of the History of Ideas*. The Gale Group, Inc., 2005, <http://www.encyclopedia.com/topic/Patriotism.aspx>; *Vincent A.* Nationalism // *The Oxford Handbook of Political Ideologies* / M. Freeden, M. Stears (Eds.). OUP. Oxford Handbooks Online, 2013, (www.oxfordhandbooks.com); *Wirth L.* Types of Nationalism // *American Journal of Sociology*, 1936. Vol. 41. No. 6. P. 723–737.

выделить три ключевых компонента этого отношения:

- позитивная сопричастность стране;
- критическое отношение к стране;
- чувство долга перед страной.

Содержание этих компонентов определяет многообразие переживаний страновой идентичности на индивидуальном и групповом уровнях¹. В нашей работе были исследованы лишь некоторые характеристики указанных компонентов: страновой фаворитизм, выраженность критического отношения к стране и специфика проявления чувства долга перед страной.

Страновой фаворитизм (цивилизационно-временная развертка)

Страновой фаворитизм, то есть склонность людей тем или иным образом смещать оценки своей и чужих стран в «свою» пользу, представляет собой частный случай группового фаворитизма. В социальной психологии под влиянием работ Таджфела и Тернера²

¹ Заметим попутно, что указанные компоненты могут использоваться как характеристики отношения к любому объекту групповой идентичности.

² См., напр.: *Tajfel H., Turner J.C.* An Integrative Theory of Intergroup Conflict // G. Austin, S. Worchel (Eds.). *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979. P. 33–47; *Turner J.C., Hogg M.A., Oakes P.J., Reicher S.D., Werhrell M.S.* *Rediscovering the social group: A Self-categorization Theory*. Oxford: Blackwell, 1987.

групповой фаворитизм чаще всего рассматривается как способ удовлетворения глубинной потребности человека в позитивной идентичности/позитивной сопричастности своей группе (стране). Интенсивность странового фаворитизма может варьироваться от индивида к индивиду, от группы к группе, от национальной культуры к национальной культуре, от страны к стране¹.

Однако важно иметь в виду, что фаворитизм является далеко не единственным способом обеспечения позитивной сопричастности стране. Позитивная сопричастность вполне может существовать и на фоне отрицательных оценок своей страны относительно других стран².

Объектом странового фаворитизма может быть образ страны в целом, равно как и отдельные элементы этого образа. Причем оценки целого и частей могут не только существенно отличаться, но и противоречить друг другу, как это происходит, например, с диффузным и специфическим доверием к политической власти у Д. Истона³ и — в общем случае — с впечатлениями об объекте в целом и о его отдельных частях.

Особый интерес, с нашей точки зрения, представляет цивилизационно-временная развертка странового фаворитизма, то есть распределение оценок прошлого, настоящего и будущего страны относительно основных цивилизаций мира.

В психологической теории проблеме временной перспективы в структуре идентично-

сти посвящен целый ряд фундаментальных работ. К. Левин придавал важное значение оценкам прошлого, настоящего и будущего в формировании групповой идентичности⁴. О пространственно-временной структуре идентичности писал Э. Эрикссон⁵, а о значении прошлого для формирования образа страны — М. Вебер и К. Боулдинг⁶. К. Калхун относит «глубину во времени», то есть «представление о том, что нация как таковая существует во времени, включая прошлые и будущие поколения, и обладает историей», к одной из десяти «наиболее важных /.../ особенностей риторики нации»⁷. И. Приморац полагает психологическую причастность к прошлому и будущему страны одной из важных характеристик патриотизма⁸.

Что касается эмпирических исследований страновой идентичности, они эту проблему практически не затрагивают. Между тем сопоставление временных горизонтов странового фаворитизма облегчает возможность исследования такого значимого фактора страновой идентичности, как оптимизм/пессимизм, а также позволяет лучше понять, какие объекты внешнего мира являются референтными при формировании оценок своей страны.

Как видно из табл. 13, в абстрактных нормативных суждениях подавляющее большинство российских и американских студентов считает страновой фаворитизм явлением «естественным и правильным», то есть заслуживающим одобрения или как минимум имеющим право на существование. При этом среди россиян этот взгляд несколько менее популярен, чем среди американцев.

На уровне конкретных отношений к своей стране ситуация складывается по-иному: у российских студентов страновой фаворитизм выражен очень сильно, тогда как у американских он практически отсутствует.

Для получения представления о цивилизационно-временной локализации странового фаворитизма респондентам предлагалось ответить на следующие вопросы:

— Что можно было бы назвать «лучшими

¹ Очень колоритно эти различия иллюстрирует приводимый Ф.М. Достоевским в «Дневнике писателя» анекдот о разговоре между наполеоновским маршалом Себастьяни и одним англичанином: «[Себастьяни]: “Если бы я не был французом, то желал бы стать англичанином”. Англичанин выслушал, но, нимало не тронутый любовью, тотчас ответил: “А если б я не был англичанином, то я все-таки пожелал бы стать англичанином”». Цит. по: *Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 год. Январь — апрель*. ПСС: в 30 т. Т. 22. Ленинград: Наука, 1981.

² Один из способов такого существования зафиксирован в пословице «Своя печаль чужой радости дороже» (*Даль В.И. Пословицы русского народа*. Сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. Владимира Даля. 3-е изд., без перемен. Т. 3. СПб., М.: Издание Тов-ва М.О. Вольф, 1904). Еще один описан А.С. Пушкиным: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство. /.../ Когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, английские журналы или парижские театры и бордели — то мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство. В 4-й песне “Онегина” я изобразил свою жизнь; когда-нибудь прочтешь его и спросишь /.../: где же мой поэт? /.../ услышишь /.../: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится — ай да умница» (*Пушкин А.С. Письмо П.А. Вяземскому, 27 мая 1826 года. Из Пскова в Петербург // Письма: в 3 т. Т. 1. 1815–1826. М.: Захаров, 2006*).

³ *Easton D.A. Re-Assessment of the Concept of Political Support // British Journal of Political Science, 1975. Vol. 5. No. 4. P. 435–457.*

⁴ *Левин К. Разрешение социальных конфликтов*. СПб.: Изд-во «Речь», 2000.

⁵ *Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис*. М.: Прогресс, 1996.

⁶ *Weber M. Essays in Sociology. Translated, Edited, and with an Introduction by H. H. Gerth and C. Wright Mills. New York: Oxford University Press, 1946.*

⁷ *Калхун К. Национализм*. М.: Изд-во «Территория будущего», 2006.

⁸ *Primoratz I. Patriotism // E.N. Zalta (Ed.). The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2015, <http://plato.stanford.edu/archives/spr2015/entries/patriotism/>.*

временами» для вашей страны, западной цивилизации, восточной цивилизации, человечества в целом?

— Что можно было бы назвать «худшими временами» для вашей страны, западной цивилизации, восточной цивилизации, человечества в целом?

Варианты ответов: «прошлое», «настоящее», «будущее», «трудно сказать».

Соотношения полученных оценок показаны в табл. 14 и на гистограмме 1.

Приведенные данные свидетельствуют о двух важных характеристиках сознания *российских студентов*.

Важнейшим объектом сравнения своей страны для них является западная цивилизация. Величины даваемых российскими студентами отрицательных и положительных оценок России относительно Запада на порядок превышают величины оценок России относительно восточной цивилизации и человечества в целом, а амплитуда изменений оценок «Россия/Запад» делает изменения остальных сравнительных оценок малозначимыми. Такой характер оценок говорит о том, что упоминавшийся ранее механизм «зеркального имиджа», где в качестве зеркала служит Запад (см. с. 4, 25), не чужд и участникам нашего исследования.

Таблица 13

ОТНОШЕНИЕ К СТРАНОВОМУ ФАВОРИТИЗМУ. В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ С УТВЕРЖДЕНИЕМ «ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА ЕСТЕСТВЕННО И ПРАВИЛЬНО ДУМАТЬ, ЧТО ЕГО СТРАНА ЛУЧШЕ ДРУГИХ»? (в % от числа опрошенных)

	Россия (N = 1 399)	США (N = 382)
Согласен + Скорее согласен	68	76
Не согласен + Скорее не согласен	28	21
(Согласен + Скорее согласен) — (Не согласен + Скорее не согласен)	40	55

Таблица 14

ЦИВИЛИЗАЦИОННО-ВРЕМЕННАЯ РАЗВЕРТКА ОЦЕНОК СВОЕЙ СТРАНЫ. СООТНОШЕНИЕ ПОЗИТИВНЫХ И НЕГАТИВНЫХ ОЦЕНОК ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО СВОЕЙ СТРАНЫ, ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ, ВОСТОЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ЦЕЛОМ (в % от числа опрошенных)

Оценки	Группы респондентов					
	Россия (N = 1 399)			США (N = 382)		
	Прошлое	Настоящее	Будущее	Прошлое	Настоящее	Будущее
1 Своя страна	-21	-1	28	-36	9	26
2 Человечество в целом	-19	5	23	-47	5	40
3 Запад	3	23	-16	-37	18	20
4 Восток	-27	5	34	-41	-1	45
5 Своя страна — Человечество в целом (1-4)	-2	-6	5	11	4	-14
6 Своя страна — Запад (1-2)	-24	-24	44	1	-9	6
7 Своя страна — Восток (1-3)	6	-6	-6	3	10	-19
Средние оценки позиций своей страны во времени (5+6+7)/3	-7	-12	14	5	2	-9

Оценки в строках 1–4 представляют собой разность ($np - nn$), где np — доля респондентов соответствующей группы, назвавших прошлое, настоящее или будущее «лучшими временами», а nn — доля назвавших их «худшими временами». Показатели могут изменяться от -100 процентных пунктов (максимальная негативная оценка) до +100 процентных пунктов (максимальная позитивная оценка).

Оценки в строках 5–7 представляют собой разность оценок указанных в скобках строк одного и того же столбца. Показатели изменяются от -200 процентных пунктов (максимальная негативная оценка своей страны по сравнению с Западом, Востоком или человечеством в целом) до +200 процентных пунктов (максимальная позитивная оценка своей страны по сравнению с Западом, Востоком или человечеством в целом).

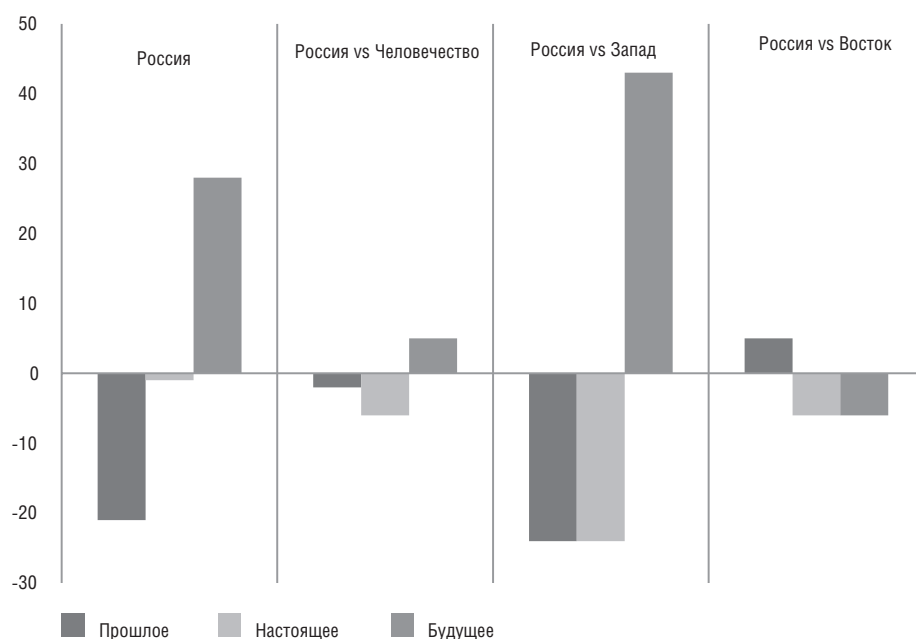
У российских студентов существует ярко выраженная цивилизационно-временная локализация странового фаворитизма. Речь идет о будущем России относительно западной цивилизации, образ которого порождает мощный всплеск оптимизма (+44), резко контрастирующий с устойчиво негативным взглядом на положение России относительно Запада в прошлом и настоящем (-24).

Что касается *американских студентов*, говорить о наличии у них сколько-нибудь чет-

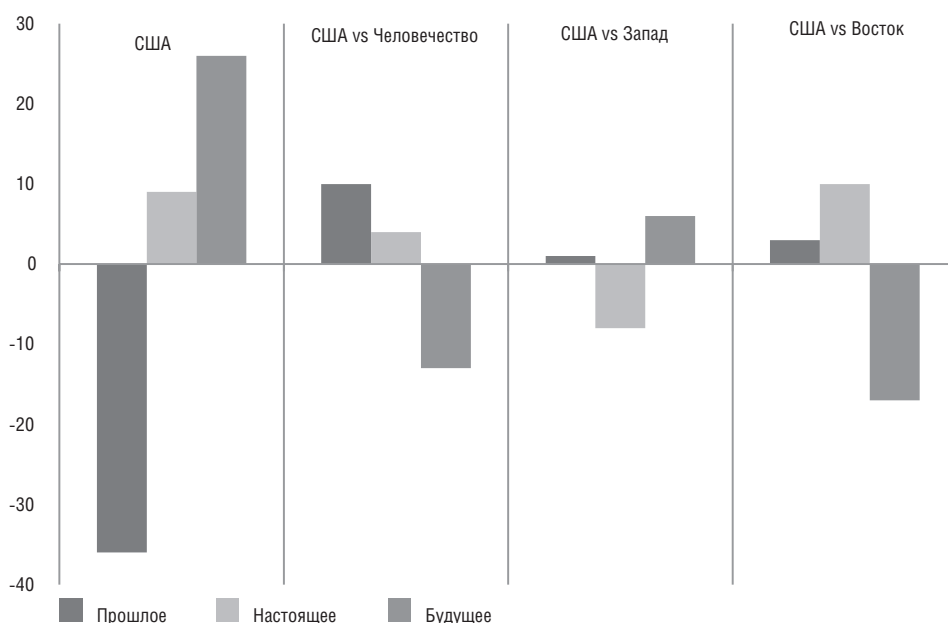
ко очерченного цивилизационно-временного локуса странового фаворитизма вряд ли возможно. В цивилизационном измерении конфигурации их оценок США относительно западной, восточной цивилизаций и человечества в целом мало отличаются друг от друга. При этом по абсолютной величине позитивные оценки оказываются всюду несколько меньше оценок негативных. Во временной перспективе у американских студентов наблюдается плавное нарастание негативных оценок положения США

Гистограмма 1
ОЦЕНКИ ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО СВОЕЙ СТРАНЫ

а) Российские студенты

б) Американские студенты

относительно человечества в целом, обусловленное прежде всего пессимизмом во взглядах на перспективы страны относительно восточной цивилизации.

Цивилизационно-временная специфика странового фаворитизма той или иной группы зависит от многих факторов, детальный анализ которых является самостоятельной задачей, выходящей за рамки данной работы. Единственный представитель этих факторов, включенный в наше исследование, — выраженность критического отношения к своей стране — будет рассмотрен в следующем параграфе. Но прежде чем перейти к нему, позволим себе краткое замечание о влиянии на сознание наших российских респондентов еще одного фактора — массовой пропаганды. Не учитывая ее эффекта, трудно объяснить одновременное присутствие у российских студентов оптимистического взгляда на будущее страны и сильной обеспокоенности *неопределенностью ее будущего*, а также *угрозами мировой войны и разрушения цивилизации* (см. табл. 15).

Существование в здоровом сознании столь противоречивых представлений может поддерживаться лишь верой в то, что никакие глобальные передраги, включая ядерную вой-

Таблица 15

УРОВЕНЬ ОБЕСПОКОЕННОСТИ НЕКОТОРЫМИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРОБЛЕМАМИ. В КАКОЙ МЕРЕ ВАС БЕСПОКОИТ (ЕСЛИ БЕСПОКОИТ) КАЖДАЯ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ПРОБЛЕМ? (в % от числа опрошенных)

	Россия (N = 1 399)	США (N = 382)
Неопределенность будущего своей страны		
Очень беспокоит + Скорее беспокоит	69	59
Совсем не беспокоит + Скорее не беспокоит	27	40
Угроза мировой войны		
Очень беспокоит + Скорее беспокоит	59	29
Совсем не беспокоит + Скорее не беспокоит	34	68
Угроза разрушения современной цивилизации		
Очень беспокоит + Скорее беспокоит	49	22
Совсем не беспокоит + Скорее не беспокоит	45	76
В среднем по трем позициям		
Очень беспокоит + Скорее беспокоит	59	37
Совсем не беспокоит + Скорее не беспокоит	35	61

ну, не смогут лишить Россию блестящего будущего. В свою очередь, наиболее безобидной причиной наличия подобной веры у людей, обучающихся в лучших вузах страны, представляется нам влияние на них массовой пропаганды.

Страновой фаворитизм и желаемый тип отношений страны с внешним миром

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что российские и американские студенты сильно отличаются друг от друга по соотношению авторитарных и либеральных установок во взглядах на внешнюю политику, с одной стороны, и внутреннюю политику и межчеловеческие отношения — с другой (см. табл. 16).

Как видно из табл. 16, «удельные показатели» авторитарности (число высказываний авторитарного характера в расчете на одно высказывание либерального толка) у российских студентов выше во внешнеполитических представлениях, тогда как у американских — во взглядах на межличностные отношения и внутреннюю политику. Расширительно толкуя термин «жесткость», введенный У. Джеймсом и обязанный своей нынешней популярностью Г. Айзенку¹, можно сказать, что российские студенты жестче в отношениях к чужим, чем к своим, тогда как студенты американские, напротив, жестче в отношениях к своим, чем к чужим.

Зависят ли эти особенности в расставлении авторитарных акцентов от общего уровня авторитарности (существенно более высокого

¹ James W. The Moral Equivalent of War // Popular Science Monthly, 1910. Vol. 77. https://en.wikisource.org/wiki/Popular_Science_Monthly/Volume_77/October_1910/The_Moral_Equivalent_of_War#cite_note-1; Eysenck H.J. Primary Social Attitudes as Related to Social Class and Political Party // The British Journal of Sociology, 1951. Vol. 2. No. 3. P. 198–209; Eysenck H. The Psychology of Politics. London: Routledge and Kegan Paul, 1954.

Таблица 16

СТРАНОВОЙ ФАВОРИТИЗМ, ВЗГЛЯДЫ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ, МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНУТРЕННЮЮ ПОЛИТИКУ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ СТУДЕНТОВ (в % от числа опрошенных)

Россия (N = 1 399)		США (N = 382)	
Страновой фаворитизм			
Ярко выражен		Практически отсутствует	
Взгляды на внешнюю политику, межличностные отношения и внутреннюю политику			
Внешняя политика	Межличностные отношения и внутренняя политика	Внешняя политика	Межличностные отношения и внутренняя политика
Наша страна может существовать только как великая держава А. Согласен + Скорее согласен — 62% Б. Не согласен + Скорее не согласен — 29%	Отношение к родителям А. Человек должен уважать своих родителей независимо от того, хорошие они или плохие, ошибаются или нет — 59% Б. Человек не обязан уважать своих родителей, если они не заслужили этого своим отношением к жизни и своим поведением — 29% А : Б = 2 : 1	Наша страна может существовать только как великая держава А. Согласен + Скорее согласен — 23% Б. Не согласен + Скорее не согласен — 73%	Отношение к родителям А. Человек должен уважать своих родителей независимо от того, хорошие они или плохие, ошибаются или нет — 26% Б. Человек не обязан уважать своих родителей, если они не заслужили этого своим отношением к жизни и своим поведением — 50% А : Б = 0,5 : 1
	Отношение к начальству А. Человек должен выполнять указания начальника, даже если он с ними не согласен — 34% Б. Человек должен выполнять указания начальника, только если он убежден в их правильности — 42% А : Б = 0,8 : 1 В среднем А — 47%; Б — 36%		Отношение к начальству А. Человек должен выполнять указания начальника, даже если он с ними не согласен — 18% Б. Человек должен выполнять указания начальника, только если он убежден в их правильности — 34% А : Б = 0,5 : 1 В среднем А — 22%; Б — 42%
А : Б = 2,1 : 1	Аср : Бср = 1,3 : 1	А : Б = 0,3 : 1	Аср : Бср = 0,5 : 1
Нашу страну должны бояться. Только тогда нас будут уважать А. Согласен + Скорее согласен — 38% Б. Не согласен + Скорее не согласен — 57%	В нашей стране власть должны бояться. Иначе ее не будут уважать А. Согласен + Скорее согласен — 26% Б. Не согласен + Скорее не согласен — 69%	Нашу страну должны бояться. Только тогда нас будут уважать А. Согласен + Скорее согласен — 4% Б. Не согласен + Скорее не согласен — 94%	В нашей стране власть должны бояться. Иначе ее не будут уважать А. Согласен + Скорее согласен — 9% Б. Не согласен + Скорее не согласен — 87%
А : Б = 0,7 : 1	А : Б = 0,4 : 1	А : Б = 0,04 : 1	А : Б = 0,1 : 1

у российских респондентов), сказать трудно. Вместе с тем не исключено, что они могут быть обусловлены различиями в уровнях странового фаворитизма (высокого у российских и практически нулевого у американских студентов). В этом случае мы сталкиваемся с проявлением на групповом уровне зависимости, аналогичной той, которая на индивидуальном уровне

была выявлена Б. Кристиансенем. Кристиансен показал, что агрессивность в повседневной жизни проецируется на внешнеполитические представления тем сильнее, чем выше страновой фаворитизм (в терминах Кристиансена — национализм/ патриотизм)¹.

¹ Christiansen B. Attitudes towards Foreign Affairs as a Function of Personality. Oslo: Oslo University Press, 1959.

Выраженность критического отношения к своей стране

Критичность индивида или группы по отношению к своей стране порождается разрывом между нормативными и дескриптивными представлениями о ней и может находиться в широких пределах от *апологетики* («нулевой критичности») до *всеобъемлющей критичности*.

Более или менее полное описание характерного для группы критического отношения к стране требует учета сложного комплекса элементов этого отношения, которые в самом общем виде могут быть сведены в следующие блоки: используемые в группе критерии оценки своей страны (отождествление/неотождествление интересов страны с волей государства, соотношение значимости в оценках действий страны универсальных моральных норм и так или иначе понимаемых интересов страны и пр.); распространенность в группе критических суждений о стране (доля членов группы, позволяющих себе критику страны); широта спектра и масштабность проблем, подвергающихся критике; временной горизонт и интенсивность критики.

В нашем исследовании мы затронули лишь два следующих элемента/показателя критичности:

— уровень критического отношения к прошлому страны;

Таблица 17

ПОКАЗАТЕЛИ КРИТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ К СВОЕЙ СТРАНЕ

	Россия (N = 1 399)	США (N = 382)
Критическое отношение к прошлому своей страны		
Число событий в прошлом страны, которых следует стыдиться (<i>Ea</i>)	1 749	810
Общее число высказываний о стыде и гордости за прошлое своей страны (<i>Ea + Ep + nsa + nsp + dsa + dsp</i>)	5 456	1 719
Уровень критического отношения группы к прошлому страны (<i>LCP</i>)	0,32	0,47

— склонность группы в оценках внешнеполитических действий страны отдавать предпочтение универсальным моральным принципам, а не интересам страны (или, в терминах Г. Моргантау, «фильтрам» конкретных обстоятельств времени и места¹).

Уровень критического отношения к прошлому страны

Данный показатель определялся по ответам участников исследования на два открытых во-

¹ О соотношении этих фильтров и моральных принципов во внешней политике см., напр.: *Morgenthau H. Truth and Power: Essays of a Decade, 1960–1970. London: Pall Mall, 1970.*

проса, содержание которых было заимствовано из Шварц и Ким²: «Назовите три события в истории страны:

— которыми, с вашей точки зрения, больше всего следует гордиться;

— которых, с вашей точки зрения, больше всего следует стыдиться».

Формула расчета показателя критичности к прошлому страны: $LCP = Ea / (Ea + Ep + nsa + nsp + dsa + dsp)$, где *Ea* — число событий, которых, по мнению опрошенных, следует стыдиться; *Ep* — число событий, которыми, по их мнению, следует гордиться; *nsa* и *nsp* — число ответов «таких событий нет» в обоих вопросах; *dsa* и *dsp* — число ответов «трудно сказать» в обоих вопросах. Показатель изменяется в интервале [0;1], где 0 означает полное отсутствие критичности, а 1 — максимально возможный уровень критичности, для достижения которого требуется, чтобы респонденты упомянули только события постыдного, по их мнению, характера, не указав ни одного предмета гордости и не дав ни негативных, ни несодержательных ответов.

Как видно из табл. 17, рассчитанный предложенным способом показатель критического отношения к прошлому страны у российских студентов оказался в 1,5 раза ниже, чем у американских³.

Критерии оценки страны: универсальные моральные принципы vs интересы страны

Для выявления того, в какой мере рассматриваемые группы склонны оценивать действия своей страны на основе универсальных

² *Schwartz B., Kim M. Honor, Dignity, and Collective Memory // K.A. Cerulo (Ed.). Culture in Mind: Toward a Sociology of Culture and Cognition. New York: Routledge, 2002. P. 209–226. <http://www.barryschwartzonline.com/HonorDignityCM.pdf>*

³ Численно и по смыслу соотношение показателей критического отношения к прошлому страны близко к соотношению противоположных по знаку оценок прошлого своих стран, вычисляемых по ответам на вопросы о «лучших» и «худших» временах: в обеих группах прошлое оценивалось негативно, однако у россиян оценка была в 1,7 раза выше (лучше), чем у американцев: –21 против –36 (см. табл. 14).

Таблица 18

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ СТРАНЫ; СВЯЗЬ МЕЖДУ ПРЕДПОЧИТАЕМОМИ КРИТЕРИЯМИ ОЦЕНКИ И ЖЕЛАЕМОМИ ТИПАМИ ОТНОШЕНИЯ СТРАНЫ С ДРУГИМИ СТРАНАМИ (ответы в % от числа опрошенных)

	Россия (N = 1399)	США (N = 382)
Универсальные моральные нормы vs национальные интересы Вопрос: «Какое мнение вам ближе?»		
Справедливость — вещь более важная, чем интересы нашей страны	57	71
Интересы нашей страны важнее справедливости	26	6
Доля респондентов, в ответах которых наблюдалась предполагаемая в теоретических работах связь между критериями оценки страны и желаемыми типами ее отношения с другими странами	55	71

моральных принципов, а в какой — на основе национальных интересов, нарочито противопоставляемых этим принципам, нами использовались ответы респондентов на вопрос, какая из двух позиций им ближе:

«Справедливость — вещь более важная, чем интересы страны» или «Интересы страны важнее справедливости».

Как видно из табл. 18, в обеих группах в качестве критерия оценки своей страны большей популярностью пользуется универсальная мораль, однако у российских студентов склонность к этому критерию оценки выражена значительно слабее, чем у американских.

В работах по политической психологии и философии морали ориентации в оценках действий страны на универсализм и на национальный интерес часто описываются как элементы противоположных друг другу ценностных констелляций: «универсализм оценок, критическое отношение к стране, установка на равенство с другими странами» vs «оценки, основанные на национальном интересе (отрицающие применимость универсальных критериев), апологетическое отношение к стране, ставка на силовое/агрессивное подчинение себе других стран».

В своих крайних проявлениях первая констелляция характеризуется как *конструктивный (constructive)*¹, *истинный (genuine)*², *этичный (ethical)*³, *умеренный (moderate)*⁴, *банальный*

(*banal*)⁵ патриотизм, просто патриотизм в качестве оппозиции национализму⁶, просто национализм в качестве оппозиции расизму и т.п. Вторая — как *слепой (blind)*⁷, *жесткий (strong)*⁸, *крайний (extreme)* или, по меньшей мере, *твердый (robust)*⁹ патриотизм; *псевдопатриотизм (pseudopatriotism)*¹⁰, *национализм*¹¹, *джингоизм, шовинизм* и пр.¹²

Используя менее эмоционально нагруженные термины, можно сказать, что первая констелляция тяготеет к взглядам на страну как на естественную часть мировой системы, интересы элементов которых нуждаются в гармониза-

⁵ Billig M. Banal Nationalism. London: Sage Publ., 1995.

⁶ Соловьев Вл.С. Патриотизм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 23. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1898. С. 36–38.

⁷ Schatz R.T., Staub E., Lavine H. On the Varieties of National Attachment: Blind versus Constructive Patriotism // Political Psychology, 1999. Vol. 20. No. 1. P. 151–174.

⁸ Vincent A. Patriotism // New Dictionary of the History of Ideas. The Gale Group, Inc., 2005, <http://www.encyclopedia.com/topic/Patriotism.aspx>

⁹ Primoratz I. Patriotism // E.N. Zalta (Ed.). The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2015, <http://plato.stanford.edu/archives/spr2015/entries/patriotism/>.

¹⁰ Adorno T.W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D.J., Sanford R.N. in collaboration with B. Aron, M.H. Levinson and W. Morrow. The Authoritarian Personality. Abridged Edition. New York, London: W.W. Norton and Co., 1982.

¹¹ Соловьев Вл.С. Национализм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 20А. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1897. С. 710

¹² Князь П.А. Вяземский именовал такой взгляд на страну сивушным патриотизмом. (П.А. Вяземский. Старая записная книжка. 1813–1877. М.: Захаров, 2003). М.Е. Салтыков-Щедрин называл представителей этой позиции бонапартистами. «Под "бонапартистом" я разумею вообще всякого, кто смешивает выражение "отечество" с выражением "ваше превосходительство" и даже отдает предпочтение последнему перед первым. Таких людей во всех странах множество, а у нас до того довольно, что хоть лопатами огребай» (Салтыков-Щедрин М.Е. За рубежом // Собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М.: Изд-во «Правда», 1988. С. 5–270). Здесь Салтыков-Щедрин, скорее всего, обыгрывает то обстоятельство, что Николая Шовен, от фамилии которого произошел термин «шовинизм», был, по слухам, солдатом Великой армии Наполеона и считался ярым бонапартистом.

¹ Schatz R.T., Staub E., Lavine H. On the Varieties of National Attachment: Blind versus Constructive Patriotism // Political Psychology, 1999. Vol. 20. No. 1. P. 151–174.

² Adorno T.W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D.J., Sanford R.N. in collaboration with B. Aron, M.H. Levinson and W. Morrow. The Authoritarian Personality. Abridged Edition. New York, London: W.W. Norton and Co., 1982.

³ Primoratz I. Patriotism // E. N. Zalta (Ed.). The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2015, <http://plato.stanford.edu/archives/spr2015/entries/patriotism/>.

⁴ Nathanson S. In Defense of 'Moderate Patriotism' // Ethics, 1989. Vol. 99. No. 3. P. 535–552.

ции, а взаимодействие между которыми может и должно соответствовать игровой модели win-win. Вторая констелляция предлагает смотреть на страну и мир глазами Т. Гоббса и в качестве модели отношений между странами ориентируется на игру с нулевой суммой.

Результаты нашего исследования обнаруживают присутствие у российских и американских респондентов описанного только что типа связи между критериями оценки страны и желаемым типом ее отношений с окружающим миром. На групповом уровне показателем такой связи может служить доля респондентов, давших следующие комбинации ответов на вопросы о критериях оценки и о том, должна ли страна стремиться, чтобы ее боялись: «Справедливость — вещь более важная, чем интересы нашей страны» «Согласен/Скорее согласен», что «нашу страну должны бояться, только тогда нас будут уважать» U «Интересы нашей страны важнее справедливости» «Не согласен/Скорее не согласен», что «нашу страну должны бояться, только тогда нас будут уважать». Эти доли совпадают с удельными весами респондентов соответствующей группы, предпочитающих оценивать свою страну по критериям справедливости (см. табл. 18).

Такое совпадение кажется нам случайностью. Что же касается более слабой связи между рассматриваемыми показателями у российских студентов по сравнению со студентами американскими, то это представляется достаточно объяснимым и наряду с верой российских студентов в будущее страны, сочетаемой с обеспеченностью ее будущим и перспективой ядерной войны, служит свидетельством относительно меньшей продуманности позиций наших студентов, а значит, и меньшей устойчивости их мировоззрения.

Специфика проявления чувства долга перед своей страной

В самом общем виде специфика проявления чувства долга перед страной определяется:

- интенсивностью переживания этого чувства;
- содержанием действий, направленных на исполнение долга;
- степенью самостоятельности/несамостоятельности индивидов в выборе этих действий.

Сочетанием первых двух характеристик задается мотивация долга, сила которой может колебаться в интервале от бескорыстной готов-

ности пожертвовать собственной жизнью¹ до расчетливого «возврата долга», свойственного, по выражению И. Примораца, «сдувшемуся/ослабленному/девальвированному (deflated) патриотизму»².

Что касается степени независимости человека в выборе действий, то она описывается с помощью близких психологических и социально-психологических конструкций, противопоставляющих «внутренне- и внешненаправляемое» поведение; внутренний и внешний локусы контроля, «независимые» и «взаимозависимые» Я; акценты на личных ценностях и на социально одобренных идеалах; ответственность перед собой и перед обществом; ставку на самостоятельное принятие решения и стремление получить совет со стороны окружающих и пр. Свобода выбора здесь ограничена двумя полюсами, связанными с упоминавшимися ранее типами культуры: индивидуалистической/либеральной и коллективистской/авторитарной (см. с. 15).

— Индивидуалистический/либеральный полюс предполагает самостоятельный выбор индивида, который сам ищет себе достойное дело, сам ставит себе задачу и сам ее решает. Иллюстрацией этого принципа может служить знаменитый призыв из инаугурационной речи Дж. Кеннеди (20.01.1961): «Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя, спроси себя, что ты можешь сделать для своей страны»³.

— Коллективистский/авторитарный полюс предполагает, что инициатива находится на стороне страны/государства/социальных институтов, от которых индивид получает задачу. Хорошая иллюстрация этого варианта содержится, как нам кажется, в советской песне, появившейся в 1949 году (слова Л. Ошанина): «Дайте трудное дело, / Дайте дело такое, / Чтобы сердце горело / И не знало покоя!»⁴.

В далекой от теоретической чистоты реальности тяготение к собственной инициативе и получению «заказа» от общества так или иначе сочетаются. Специфика группы будет определяться соотношением этих установок. В нашем исследовании мы постарались оценить

¹ «... весь смысл нации заключается в бескорыстности. Именно поэтому нация может требовать жертв» (Anderson B. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Revised Edition. London, New York, Verso, 2006).

² Primoratz I. *Patriotism* // E.N. Zalta (Ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2015, <http://plato.stanford.edu/archives/spr2015/entries/patriotism/>.

³ [Электронный ресурс]. <http://www.ushistory.org/documents/ask-not.htm>

⁴ [Электронный ресурс]. <https://www.stihi.ru/2015/12/21/1678>

популярность данных установок у российских и американских респондентов с помощью следующей пары позиций, включенных в перечень характеристик идеальной работы:

— «новое, связанное с риском дело» (индивидуалистическая ориентация);

— «возможность быть полезным стране» (коллективистская ориентация).

Понятно, что в обеих позициях можно обнаружить присутствие и общественной пользы, и индивидуального риска, и «независимости», и «взаимозависимости», и остальных признаков индивидуалистической и коллективистской культур. Однако в первой из них индивидуализма все же заметно больше, чем во второй, тогда как во второй коллективизма явно больше, чем в первой. Соотношение ответов показано в табл. 19.

Приведенные данные свидетельствуют, что в вопросе о долге перед страной позиции российских и американских студентов полярно расходятся: у россиян здесь доминируют коллективистские установки, тогда как у американцев — установки индивидуалистические. Контрастность представлений исследуемых групп в этой области схожа разве что с контрастностью их подходов к внешней политике.

Обсуждение результатов

Приведенные данные, конечно, нуждаются в уточнении и на основе расширения выборки (прежде всего американской), и путем подкрепления, дополнения, а возможно, и коррекции полученных выводов с помощью информации качественного характера, собираемой в ходе глубинных интервью и групповых дискуссий. Тем не менее некоторые выводы общего характера можно сделать уже сейчас.

Таблица 19

ОТВЕТЫ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ СТУДЕНТОВ НА ВОПРОС «НАСКОЛЬКО ВАЖНЫМИ ЯВЛЯЮТСЯ ПРИВЕДЕННЫЕ НИЖЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВАШИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИДЕАЛЬНОЙ РАБОТЕ?» (в % от числа опрошенных)

	Россия N = 1 399	США N = 382
Новое, связанное с риском дело		
Важно	31	64
Не важно	58	35
Важно — Не важно	-27	+29
Возможность быть полезным стране		
Важно	66	46
Не важно	28	49
Важно — Не важно	+38	-3

Наша работа позволила выявить целый ряд сходств и различий в трактовках базовых аспектов страновой идентичности, распространенных среди российских и американских студентов. Однако наиболее важными для понимания перспектив формирования нового поколения российских элит нам представляются не столько специфические особенности идентичности участников исследования, сколько проявившиеся во взглядах на идентичность следующие три общие характеристики мировосприятия российских студентов, отличающие их от студентов американских. Речь идет о меньшем либерализме, большей противоречивости (непродуманности) суждений и меньшей разнице во взглядах со «среднестатистическими» гражданами страны.

Меньший либерализм. Как показало исследование, в ответах на большинство предлагавшихся респондентам вопросов у российских и американских студентов преобладали либеральные позиции. Однако склонность к либерализму у российских участников опроса была выражена значительно слабее, чем у американских. При этом в ряде случаев российские участники исследования были не просто менее либеральны, но заметно более авторитарны, чем американские респонденты. Например, говоря о желаемом положении страны в мире, 2/3 (62%) российских студентов заявили, что их страна «может существовать только как великая держава», причем половина разделявших это мнение была убеждена, что «нашу страну должны бояться, только тогда ее будут уважать». Среди американских студентов соответствующие показатели были равны 23 и 16%. Преобладали авторитарные установки и в ряде суждений российских студентов о карающей справедливости:

удельный вес считающих, что «держать человека в тюрьме без суда допустимо, если человек опасен для общества» и что «если преступников наказывать более сурово, преступность снизится», составил у них соответственно 55 и 54% против 28 и 10% у американских студентов. Отметим также, что в вопросе о долге перед страной у российских студентов коллективистская установка (получение «заказа» от общества) была значительно привлекательнее индивидуалистической установки (проявление собственной инициативы). У американских студентов соотношение привлекательности этих позиций было прямо противоположным.

Большая противоречивость (непродуманность) суждений российских студентов достаточно четко прослеживается в ответах на вопросы о желаемом политическом устройстве общества. Поддержка принципов либеральной демократии на уровне абстрактных деклараций порой сочеталась у них с авторитарными установками в более конкретных высказываниях. Так, доля российских студентов, заявивших о важности для страны равенства *всех граждан* перед законом, составила 92%. Между тем доля указавших, что для страны важна гарантированность прав *меньшинств*, была равна всего 62%. Иначе говоря, около 40% российских студентов, считающих важным равенство всех граждан, отказали в важности гарантиям прав меньшинств. Для сравнения: у американских студентов соответствующие показатели были равны 97, 94 и 6%. Еще один пример противоречивости позиций российских студентов — сочетание *оптимистического взгляда на будущее страны* с сильной обеспокоенностью *неопределенностью ее будущего*, а также *угрозами мировой войны и разрушения цивилизации*. У американских студентов позиция в этом вопросе была значительно более последовательной: для них обеспокоенность будущим страны сочеталась с негативными оценками ее перспектив.

Меньшая разница во взглядах со «среднестатистическими» гражданами страны. Во всех вопросах, где имеющиеся данные позволяли сопоставить взгляды наших респондентов с результатами общенациональных опросов в их странах, российские студенты были ближе к своим «среднестатистическим» соотечественникам, чем американские студенты к своим. При этом если американские студенты оказывались всегда либеральнее «типичных» американцев, то про российских студентов этого сказать нельзя. Например, во взглядах на желаемый характер отношений с другими странами

российские участники нашего исследования были настроены более великодержавно, а в вопросе о применимости смертной казни за терроризм и коррупцию — более жестко, чем «простые» граждане России.

Перечисленные характеристики мировосприятия российских студентов представляют собой комбинацию элементов традиционной российской/русской политической культуры (слабая укорененность либерализма, великодержавность), наследия тоталитаризма (слабые различия ценностных ориентаций элитных и неэлитных групп общества)¹ и неизбежных проявлений далеко еще не заверщенного выхода России из тоталитарной культуры (противоречивость, непродуманность суждений).

Эти характеристики можно было бы назвать естественными — во всяком случае, их наличие показалось нам куда более ожидаемым, чем было бы их отсутствие. Однако при всей «естественности» этих характеристик сознания кандидатов в российские элиты присутствие их является фактором, серьезно затрудняющим возможности преодоления фундаментальных проблем, стоящих сегодня перед Россией. Свой взгляд на эти проблемы мы более или менее подробно изложили². Повторять сказанное вряд ли уместно. Заметим здесь лишь то, что речь в первую очередь идет о выходе России из экономической, политической и моральной стагнации и о преодолении нарастающего отставания от ведущих стран мира по критериям мягкой силы, то есть по критериям качества в таких областях, как экономика, государственное управление, образование, медицина, наука, культура, экология, межчеловеческие отноше-

¹ О ценностной однородности российского общества см.: Урнов М.Ю. Неинституциональные факторы социальной динамики — подходы к моделированию // *Общественные науки и современность*. 2010. № 5. С. 59–70; Касамара В.А., Сорокина А.А. Образ России в дискурсе политической элиты и российских бездомных // *Полис (Политические исследования)*. 2011. № 4. С. 171–184; Урнов М.Ю., Соболев А.С., Соболева И.В. Ценностная неоднородность общества как фактор социальной динамики — эмпирическая проверка теоретической модели // *Общественные науки и современность*. 2012. № 3. С. 43–57; Касамара В.А., Сорокина А.А. Imperial ambitions of Russians // *Communist and Post-Communist Studies*. 2012. Vol. 45. No. 3–4. P. 279–288.

² Урнов М.Ю. Россия: виртуальные и реальные политические перспективы // *Общественные науки и современность*. 2014. № 4. С. 48–58; № 5. С. 114–129; Урнов М.Ю. Экономический кризис в России: причины, механизмы развертывания и возможные последствия // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2015. № 2 (26). С. 186–190; Урнов М.Ю. Политические ограничители модернизации национальной экономики // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2015. № 4 (28). С. 183–188; Урнов М. 'Greatpowerness' as the Key Element of Russian Self-consciousness under Erosion // *Communist and Post-Communist Studies*. 2014. Vol. 47. No. 3–4. P. 305–322.

ния и пр. Для решения этих проблем необходимо максимальное использование человеческого потенциала страны, а это с учетом масштабов страны и глубины проблем требует от российских элит куда большего уважения к политическим и экономическим свободам личности, куда большей нравственности и куда более тонкого умения использовать инструменты социально-либеральной поддержки равенства возможностей, чем это могут себе позволить элиты ведущих стран мира.

С этой точки зрения самым опасным явлением, обнаруженным нашим исследованием, представляется характерное для российских студентов сочетание относительной слабости либеральных установок со сравнительно небольшим ценностным отрывом от большинства населения страны. Помимо всего прочего это означает, что при сохранении нынешней ситуации роль следующего поколения российской элиты в качестве референтной группы для остального общества будет столь же незначительной, как и роль элиты нынешней. Иначе

говоря, в обозримой перспективе внутренний потенциал изменений российского общества будет весьма небольшим. А это, в свою очередь, означает консервацию в обществе существующих ныне многочисленных негативных черт и явлений и продолжение отставания страны от лидеров мирового развития.

Вопрос, преодолима ли сложившаяся ситуация и, если да, каким образом она может быть преодолена, требует специального исследования. Но, каким бы ни был набор возможных рекомендаций, в любом случае его необходимым элементом является подготовка меритократической элиты — образованной и открытой миру, не страдающей комплексами неполноценности и не обремененной мифологемами исключительности, способной своими решениями и своим примером создать мощный импульс обновления страны, то есть элиты, состояние умов которой во многом отличается от состояния, выявленного нашим исследованием.